

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ
УЧРЕЖДЕННАГО ВЪ ПОЛТАВѢ
И Н С Т И Т У Т А
ДЛЯ БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ

И

ВѢРНАЯ КАРТИНА
ТОРЖЕСТВЕННАГО ЕГО
ОТКРЫТІЯ

ВЪ 12 ДЕНЬ ДЕКАБРЯ

1818 ГОДА.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго.
1819.

Печатать позволяется съ представлені-
емъ 5 экземпляровъ въ Цензурный Коми-
тетъ для казенныхъ мѣстъ. Москва, Фев-
раля 6 дня, 1819 года Книгу сію разсма-
тривалъ Ординарный Профессоръ, Коллеж-
скій Совѣтникъ и Кавалеръ Нилифоръ
Черепановъ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ МОЙ!

Судьба, благопріятствующая мнѣ, привела меня въ Полшаву, въ день торжественнаго открытія тамъ Инстишута для благородныхъ дѣвицъ, иждивеніемъ дворянства учрежденнаго. Я шронувъ былъ прелестныхъ зрѣлищемъ онаго, написавшимъ сердце и умъ мой сладостнымъ удовольствіемъ; почему и желалъ имѣть подробныя свѣденія о семъ полезномъ учрежденіи: нынѣ, получивъ оныя отъ одного изъ Гг. дворянъ Полтавской Губерніи, рѣшился пополнить ихъ вѣрною каршиною торжественнаго открытія Инстишута и, по напечатаніи, сообщить вамъ 400 экземпляровъ, прося васъ, Милостивый Государь мой, разослать ихъ во всѣ Губерніи къ тѣмъ,

кои получаютъ журналъ, вами изда-
ваемый; ибо кому приличнѣ Сына
Отечества сообщать все полезное
къ свѣденію его соотечественни-
ковъ. Должно надѣяться, что по-
хвальный примѣръ дворянства Пол-
тавской Губерніи пріобрѣшетъ по-
слѣдователей.—Любовь моя къ про-
свѣщенію и уваженіе къ благошво-
реніямъ безпредѣльны; чѣмъ болѣе
буду находить въ отечествѣ мо-
емъ произведеній оныхъ, тѣмъ щас-
сливѣйшимъ почту себя, нося имя
Рускаго.

Москва.
1819 года.

Съ самаго учрежденія Полтавской Губерніи благородное дворянство оной опредѣлило основать въ Полтавѣ, на собственномъ иждивеніи, учебное заведеніе для юношества, но разныя обстоятельства воспрепятствовали ему совершить желаемое; отъ чего сыновья здѣшнихъ дворянъ обучаются въ учрежденныхъ Правительствомъ Харьковскомъ Университетѣ и Полтавской Гимназіи; богатѣйшіе же въ Лицеяхъ Санктпетербургскомъ и Одесскомъ и въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ. Но дочери ихъ не имѣли доселѣ никакихъ способовъ для общественнаго воспитанія; весьма немногія изъ нихъ получаютъ оное въ Смольномъ монастырѣ и Екатерининскомъ Институтѣ, а большая часть лишена даже сего благошворенія по чрезмѣрному отдаленію Малороссійскаго края отъ столицы.

Таковъй недосѣтокъ въ способѣхъ къ благовоспитанію дѣтей и рвеніе сего почтеннаго сословія къ просвѣщенію побудили его учредить въ Полшавѣ благородный для дѣвицъ Институтъ, и къ исполненію подвига сего приступило оно лишь только прибыли въ край сей нынѣшній Малороссійскій Военный Губернаторъ Князь Репнинъ и супруга его Княгиня Варвара Алексѣевна, урожденная Графиня Разумовская, — особа именишая добродѣтелями, благошворительностію и попеченіемъ ея о просвѣщеніи своего пола.

На своемъ иждивеніи воспитывала она нѣсколько лѣтъ до двенадцати бѣднѣйшихъ дѣвицъ дворянскихъ фамилій, которыя съ прибытіемъ ея въ Полшаву переведены шуда же изъ Москвы и служатъ убѣдительнымъ доводомъ того материнскаго попеченія, которое она обѣ нихъ имѣла.

Въ Санктпетербургѣ ею же учрежденъ Патріотическій Институтъ, славящійся отличнымъ въ ономъ воспитаніемъ.

 Прибытіе Князя и Княгини Репниныхъ въ Малороссію возродило

въ сердцахъ чадолубивыхъ и ревностныхъ къ просвѣщенію дворянъ надежду воспитать дѣтей, не отдавая ихъ онѣмъ нѣжнаго родителевъ наблюденія, а пошому Старѣйшины сего почтеннаго сословія ознаменовали первое собраніе свое предположеніемъ учредить въ Полшавѣ означенный Институтъ, ввѣривъ его совершенно попеченію и руководству Княгини Репниной.

Лестная довѣренность дворянства принята была ея Сіятельствомъ съ признательностію, и согласіе ея рѣшило ихъ просить Правительство о дозволеніи учредить предполагаемый Институтъ.

Основаніемъ онаго есть благодѣяніе, а цѣлю его благовоспитаніе дѣвицъ.

Гг. Маршалы предположили въ каждомъ повѣствѣ избрать самимъ Гг. дворянамъ по одной бѣднѣйшей изъ своего сословія дѣвицъ, и число ихъ составилось, по числу повѣстовъ, пятнадцать. Онѣ будутъ воспитываться въ учрежденномъ Институтѣ на иждивеніи всего дворянства; цѣлю ихъ воспитанія будетъ доставленіе имъ средствъ къ незави-

сигому состоянію, приобрѣтеніемъ способности занимать въ домахъ дворянскихъ мѣста надзирательницъ при дѣтяхъ; почему и курсъ ихъ воспитанія опредѣленъ девять лѣтъ. Окончившія оный выпускаются, а на мѣста ихъ поступають вновь избранныя дѣвицы. Сіе правило останешся неизмѣннымъ, доколѣ будетъ существовать Институтъ.

Сверхъ же сихъ пятнадцати дѣвицъ опредѣлено принимать пансіонерокъ, соразмѣрно помѣщенію дома, взимая съ каждой въ годъ по 800 руб., при собственномъ одѣяніи. Хотя и опредѣлено прісущественно принимать пансіонерокъ изъ Малороссійскихъ Губерній, но также изъ другихъ принимаемы будутъ охотно, по удобности помѣщенія.

Вообще воспитанницы и пансіонерки обучаются будутъ: закону Божію, Словесности, Россійскому, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, Арифметики и Геометріи, Географіи и Исторіи, рисованью, музыкѣ, танцованью и рукодѣлію; сверхъ того дастся имъ понятіе о домовомъ хозяйствѣ.

Образованіе же ихъ нравствен-
ности будетъ первымъ и главнѣй-
шимъ предметомъ воспитанія; и воз-
можноль усумнишься въ успѣхъ она-
го? Дѣти сіи будутъ имѣть отлич-
ной образецъ добродѣтели въ по-
чтеннѣйшей своей Попечительницѣ,
которая материнскимъ о нихъ по-
печеніемъ научитъ ихъ похвальнымъ
обязанностямъ, дѣлающимъ сей пре-
дѣстный полъ орудіемъ семейнаго
благополучія.

Для обезпеченія содержанія пят-
надцати воспитанницъ и заведенія
Института назначено было соства-
вить капиталъ изъ пожертвованій
дворянства Полтавской Губерніи.
Взносъ пошребной суммы былъ Гг.
Маршалами предопредѣленъ отъ соб-
ственныхъ каждаго дворянина сря-
жаній, по пятидесяти копѣекъ, со-
размѣрно числу владѣемыхъ под-
данныхъ.

По полученіи ВСЕМИЛОСТИ-
ВѢЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА одобренія,
которымъ удостоено благонамѣрен-
ное сіе предпріятіе, и дозволенія
заняться учрежденіемъ Института,
открыта была подписка на пожертв-

вованія, и почтенное дворянство Полтавской Губерніи самымъ дѣломъ оправдало увѣренность Старѣйшинъ своихъ: въ короткое время не только сдѣлана подписка, но и внесенъ уже капишалъ, превосходящій предположеніе Гг. Маршаловъ: въ два года полагали они собрать 130 тысячъ, но нынѣ по подпискамъ составилъ капишалъ 170 тысячъ, и хотя первой годъ еще не кончился, но болѣе уже 80 тысячъ рублей внесено.

Неусыпное попеченіе госпожи Попечительницы Инстишута въ полной мѣрѣ соотвѣтствовало довѣренности къ ней и усердію къ сему учрежденію Гг. дворянъ: она съ подобною имъ поспѣшностію содѣйствовала скорѣйшему открытію Инстишута приуготовленіемъ всего необходимаго.

Одинъ изъ Полтавскихъ дворянъ, Дѣйствительный Службѣ Совѣтникъ С. М. Кочубей, одушевленный рвеніемъ ко благу общему, позволилъ занять подъ Инстишутъ большой домъ свой въ Полтавѣ, доколѣ предполагаемый дворянствомъ будетъ выспросенъ, чѣмъ много спо-

спѣшествовалъ скорому открытію Института.

Званіе помощницы госпожи Попечительницы приняла на себя временно достойная дочь почтеннѣйшаго Дѣйствительнаго Спашскаго Совѣтника Баншыша - Каменскаго Анна Николаевна, которая неоплучно находясь въ Институтѣ, наблюдаетъ по всѣмъ часямъ за точнымъ исполненіемъ правилъ, данныхъ госпожѣ Попечительницѣю.

Управление вообще по дѣламъ Института, распоряженіе капиталомъ оного и попеченіе о воспитанникахъ, послѣ выпуска ихъ, ввѣрено Совѣту, который составленъ, подъ предсѣдательствомъ Попечительницы, изъ семи Членовъ и одного Секретаря. Члены Совѣта суть: помощница Попечительницы, Гг. Маршалы Губернскій и повѣстовый Полтавскіе, которые по выбору находятся будуще въ сихъ должностяхъ; два члена назначаются самою госпожѣю Попечительницѣю и два избираются изъ родителей пансіонерокъ, для того, чтобъ они, участвуя въ управленіи Института, обезпечивали другихъ въ томъ

ревностномъ попеченіи, которое Совѣтъ будетъ принимашъ къ пользѣ воспитываемыхъ въ немъ.— Совѣтъ сей уже учрежденъ, кромѣ двухъ послѣднихъ членовъ, кои будутъ избраны, когда поступятъ пансіонерки.

Госпожа Реньи, главная надзирательница Института, будучи убѣждена однимъ только именемъ Попечительницы Полтавскаго Института, извѣстная по ея отличнымъ достоинствомъ, приняла сдѣланное ей предложеніе занять сію должность, и для сего, оставя Парижъ, прибыла уже въ Полтаву: апшешашы ея отличны, но нравственностъ и дарованія, въ короткое время ею здѣсь оказанныя, превосходящъ всѣмъ похвалы, которыя о ней дѣланы извѣстнымъ въ Европѣ Аббатомъ Сикаромъ, главнымъ Директоромъ учрежденнаго въ Парижѣ Института Глухонѣмыхъ и членомъ Академіи Французской.

Въ должности класныхъ дамъ или надзирательницъ избраны изъ отличнѣйшихъ воспитанницъ Института Княгини Репниной, которыя уже кончили курсъ свой. (имѣяственно доказана польза воспи-

штатскаго Института дѣвицъ: ибо безъ предуготовленныхъ класныхъ Дамъ открытіе сего учебнаго заведенія могло бы затрудниться и потеря времени была бы для онаго весьма чувствительна.

Единодушному только рвенію всѣхъ участвовавшихъ въ учрежденіи Полтавскаго Института можно было достигнуть до самаго его открытія.

Едва въ Августѣ мѣсяцѣ сего года получено разрѣшеніе Министерства Просвѣщенія открыть въ Полтавѣ означенный Институтъ, какъ въ первыхъ числахъ Октября приняты уже были всѣ избранныя по повѣстамъ пятнадцать дѣвицъ, назначенныя быть общественными воспитанницами, а 12 Декабря произведено торжественное открытіе Института, съ коимъ вмѣстѣ открытъ и пріемъ пансіонерокъ.

День сей, радостный для всѣхъ вѣрныхъ ГОСУДАРЮ и Отечеству Россіянъ, избранъ былъ днемъ особеннаго торжества Полтавскаго дворянства.

Никакое празднество не могло

доснавши столь восхищительнаго удовольствія чадолюбивымъ родителямъ и просвѣщенному юношеству, каковое ощущали дворяне Полтавскіе, собравшіеся воздвигнуть памятникъ благошворительности своей и ревностному ихъ попеченію о просвѣщеніи.

По принесеніи поздравленія дворянствомъ и Гг. Губернскимъ и Повѣстовыми Маршалами Г. Малороссійскому Военному Губернатору съ тезоименимымъ днемъ рожденія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всѣ отправились въ соборную церковь для выслушанія Божественной литургіи и молебственнаго пѣнія за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, подъ скипетромъ коего воздвигающся храмы истиннаго просвѣщенія, на незыблемомъ камнѣ страха Господня основанные.

Изливъ предъ престоломъ Божіимъ чувства, наполняющія сердца при совершеніи богоугоднаго дѣла, Г. Малороссійскій Военный Губернаторъ, Губернскій и Повѣстовый Маршалы, Гг. дворяне, Гражданскій Губернаторъ, Губернскіе чи-

новники и Гг. Штабъ и Оберъ-Офицеры войскъ, въ Полтавѣ расположенныхъ, прибыли въ домъ, Инстишумъ занимаемый, также всѣ дамы, въ Полтавѣ имѣющія жительство, и многіе по сему случаю поспѣшшіе въ оный.

Посѣшители приняты были въ большой залъ Инстишума, которая едва была достаточна для сего именинаго торжества. Въ ней засѣдалъ Совѣтъ, и когда всѣ заняли мѣста свои, тогда главная надзирательница ввела въ залу съ классными дамами пятнадцать юныхъ воспитанницъ, которымъ благошворительностію ихъ сословія даровалась жизнь новая, жизнь образованнымъ воспитаніемъ украшенная. Новое сіе зрѣлище мгновенно поразило сердца добрыхъ благошворителей, и глаза ихъ, орошенные слезами радости и удовольствія, провождали воспитанницъ до назначеннаго имъ мѣста.

Правишель дѣлъ Совѣта прочелъ всѣ тѣ акты, на основаніи коихъ устроенъ Полтавскій Инстишумъ и послѣдовавшее дозволеніе Правительства открытъ оный; списокъ

воспитаниицѣ и членовѣ Совѣта; правила, на коихѣ принимаемы будущіе пансіонерки, и ошчесть суммѣ, на сіе благотворительное и полезное заведеніе пожертвованнымѣ.

За симѣ одинѣ изъ членовѣ Совѣта произнесѣ рѣчь отъ лица онаго, въ которой изложилѣ, какѣ причины побудившія дворянство преимущественно учредить Институтѣ для юныхъ дѣвицѣ, такѣ и существенно онаго пользу и благошвореніе, которое съ учрежденіемѣ его оказано семействамѣ бѣднымѣ чрезъ воспитаніе дочерей ихѣ на иждивеніи общественномѣ; въ окончаніи, произнесѣ общѣ Совѣта радѣть о пользѣ ввѣренныхѣ его попеченію, пригласилѣ онѣ почтеннѣйшихѣ посѣщителей къ молебствію о низпосланіи благословенія Божіаго на общепользныи подвигѣ сей.

По окончаніи молебствія ошецѣ Архимандритѣ Іосифѣ, настоятель Крешовоздвиженскаго Полтавскаго монастыря, произнесѣ исполненное Евангельскаго ученія слово и благословеннымѣ водоокропленіемѣ посвятилѣ домѣ сей вкореняющемуся въ юныя сердца благочестію.

За симъ приглашены были посѣщители на завшракъ въ другіе покои, гдѣ благородные воспитанники дома для бѣдныхъ дворянъ, при Полтавскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія учрежденномъ, пѣли куплеты, сочиненные на случай сей, и пѣньемъ кончилось торжественное открытіе Инстишута.

Благодѣтельная Попечительница, какъ нѣжиѣйшая мать, знала нѣжное чувство родителей и приуголовила имъ новое удовольствіе: всѣ посѣщители приглашены были въ 6 часовъ по полудни въ домъ Инстишута, и съ прибытіемъ ихъ открылся дѣтскій балъ.

Какое восхищительное зрѣлище для благотворительнаго и просвѣщеннаго Дворянства! Оно, сострадавшее несчастному положенію избранныхъ имъ, за два только мѣсяца предъ симъ воспитанницъ, въ сей день замѣтило уже черты образованности, благородный видъ, приличную осанку и нѣкоторую развязность ихъ въ танцахъ, которыми онѣ обучились въ столь малое время съ большимъ успѣхомъ: родители и родственники сихъ малюшкѣ пре-

слѣдовали взорами близкихъ къ сердцу своему; для добродѣтельныхъ зрителей удовольствіе удвоивалось, смотря на шѣхъ и другихъ.—Я самъ восхищенъ былъ при видѣ одного изъ нихъ, въ нѣкоторомъ онѣмѣннѣ отъ удовольствія стоявшаго.—Слеза радости, утѣшенія и полной сердечной благодарности къ Богу и благошворителямъ блистала въ глазахъ его и выражала его чувства. Не словами, коихъ не находилъ я въ шѣ минушы, но крѣпкимъ пожатіемъ руки сообщилъ я ему искреннее соучастіе и шѣмъ возбудилъ его къ слову; первое произнесенное имъ было: благодареніе Богу, пославшему мать несчастнымъ дѣшамъ края сего.

Долго не примѣтили посѣщители въ кругу воспитанницъ Полтавскаго дворянства двухъ дочерей госпожи Попечительницы, Княженъ: Александры и Варвары Николаевнъ *Реллиныхъ*; простота, съ кою онѣ всегда одѣшы, невинность и добродушіе скрыли ихъ на нѣкоторое время отъ глазъ зрителей; хотя старшая ихъ нѣхъ имѣшъ уже 13 лѣшъ, но суетность обществъ еще

ей неизвѣстна; чистота нравственности сихъ дѣшей неудобноизъяснима: онѣ раздѣляли удовольствіе воспитанницъ во весь балъ, находясь въ кругу ихъ. Не нужно изъяснять, какое впечатлѣніе сдѣлалъ видъ сей на сердца и умы посѣтителей; пусть всякой поставивъ себя на ихъ мѣсто и вообразивъ восхищительное сіе зрѣлище, тогда собственныя его сердце и умъ покажутъ ему, что чувствовали и думали просвѣщенные и добродѣтельные зрители.

Къ сожалѣнію общему кончина ближайшаго изъ родственниковъ госпожи Попечительницы лишила собрание желаемого удовольствія видѣть виновницу общаго восторга и благодарности. Кто не зналъ еще причины, по коей она не присутствовала, тотъ ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ; ибо благодарныя чувства искали своего предмета, чтобъ облегчить сердца, ими преисполненныя.

Почтеннѣйшій Г. Малороссійскій Военный Губернаторъ пробылъ до конца собранія и вниманіе его къ воспитанницамъ во все время

замѣняло въ немъ нѣжность родительскую. Сіе непритворное чувство добродѣтельнаго его сердца продолжило неизвѣстность, что дочери его находились въ одномъ съ воспитанницами кругу.

Въ 9 часовъ исполненныя удовольствія дѣти удалились во внутренніе свои покои и съ колѣнопреклоненіемъ молили Бога за своихъ благодѣтелей; а собраніе продолжилось: ибо восхищенные пощитатели заключили дѣтскій балъ собственнымъ, продолжившимся до 11 часовъ.

Гг. Маршалы почли долгомъ принести торжественно отъ лица всего благороднаго ихъ сословія благодарность госпожѣ Попечительницѣ за всѣ принятыя ею къ совершенію столь общепользнаго подвига труды. Это не была дань лести, но жертва искренняго чувства признательныхъ къ благодѣленію сердецъ.

РѢЧЬ ОТЪ ЛИЦА СОВѢТА.

Почтенные Посѣщители!

Совѣтъ, учрежденный при Инсти-
тутѣ благородныхъ дѣвицъ, при-
гласилъ васъ удостоить прису-
ствіемъ вашимъ собраніе сіе, да-
бы въ щасливый и всерадостный
день сей, ознаменованный рождені-
емъ благошворнѣйшаго МОНАРХА,
ознаменовашъ открытіе Инсти-
тута, благошвореніемъ дворянства сей
Губерніи основаннаго. Какій день
приличнѣе могъ избранъ быть для
предначинанія нашего? — чувству
благоназидательнаго ЦАРЯ, о про-
свѣщеніи отечества радѣющаго, со-
отвѣтствуютъ чувства вѣрнопод-
данныхъ; и се твердѣйшій и свя-
щеннѣйшій ихъ союзъ.

Не нужно излагать предъ вами,
почтенные посѣщители, всѣ пользы
отъ сего воспитательнаго заведе-
нія послѣдовать долженствующія:
каждый изъ васъ знаетъ, что для
умственнаго и нравственнаго обра-
зованія сыновъ даже и самыя убогія
родители имѣютъ много средствъ,
щедрошами благопопечительной вер-

ховной власти представляемыхъ: Лицеи, разные Кадетскіе корпусы, Университеты, Гимназіи и при оныхъ училища, въ каждой Губерніи учрежденныя, открываютъ имъ почти повсемѣстные способы воспитанія; напротивъ того для дѣвицъ оныя и малочисленны и, по отдаленности, весьма затруднительны, наипаче для недостаточныхъ людей. — Межъ тѣмъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что благовоспитанная мать есть главнѣйшее орудіе для назиданія обоюго пола дѣшей: отцы, по большей части, занятые Государственною службою, не успѣваютъ достаточно удѣлять имъ времени своего и помощи; немное же усердіе не можетъ ошнюдь замѣнить родительскихъ, внушаемыхъ сердцемъ попеченій. — Убѣжденное испиннами сими благородное сословіе Губерніи сей, первое подало примѣръ къ общепользному заведенію, которое нынѣ воспринимаетъ начало свое. — Совѣтъ, удостоенный ввѣреніемъ ему главнаго надъ онымъ надзора, поставивъ себѣ священнѣйшимъ долгомъ радѣть, дабы оно усовершенствовано было

соотвѣстственно желанію вашему, почтенные благошворители! — Вы видите предъ вами предметы благошворенія вашего: онѣ не могутъ еще, по малолѣтству ихъ, достойно цѣнить онаго; но въ сердцахъ ихъ посѣется и возрастетъ чувство живѣйшей къ вамъ признательности; а вы воспріимите сверхъ того драгоцѣннѣйшую награду безмездной добродѣтели — въ восхищительномъ самоощущеніи содѣянаго добра. Вы оцѣнили убогихъ собратій вашихъ, доставляя приличное воспитаніе дочерямъ ихъ; облагодѣляете сихъ воспитанницъ, и даже достаточнымъ семействамъ подаете руку помощи, предлагая имъ, за весьма умѣренное иждивеніе, выгодный способъ къ образованію дѣтей своихъ. — Великодушнымъ пожертвованіемъ на столь общепользующій предметъ вы доказали вновь рвеніе ваше ко вкорененію благонравія и къ распространенію ошраслей просвѣщенія въ родинѣ вашей. Столь похвальный подвигъ благословится свыше, благопріятенъ будетъ онъ Всемирному Отцу, какъ благопріятнымъ ока-

зался уже Порфиноносному Отцу великаго Россійскаго семейства.

Принесемъ же сердчныя моленія Всевышнему о продолженіи драгоцѣннѣйшихъ дней Августѣйшаго МОНАРХА и о низпосланіи благодати Своей на предначинаніе наше: подѣ спасительнымъ покровомъ Небесной благости, разсадникъ, нынѣ вкореняемый вами, да принесетъ полезныя человѣчеству и угодныя Богу плоды!

ХОРЪ.

Благослови Творецъ!
 МОНАРХА образецъ.

Онъ нашъ отецъ!

Онъ нашъ отецъ и Царь;
 На вѣрности олшарь
 Ему несемъ мы въ даръ —
 Любовь сердецъ.

Народныхъ благъ Творецъ
 Обрекъ имъ свой вѣнецъ,

Нашъ Царь отецъ:

Воздвигнувъ правдѣ шронъ,
 Сіянью всѣхъ коронъ
 Предпочитаемъ онъ
 Любовь сердецъ;

Съ конца земли въ конецъ
 Оливный свилъ вѣнецъ

Нашъ Царь отецъ;

Гордыню онъ попраля,
 Безъ мессти побѣждалъ,
 И отъ враговъ спяжалъ
 Любовь сердецъ.

Любовью всѣхъ сердецъ
 Украсилъ свой вѣнецъ

Нашъ Царь отецъ;

И въ щастьи вѣрныхъ чадѣ
 Тѣму находя отградѣ,
 Чтитѣ выше всѣхъ наградѣ
 Любовь сердецѣ.

Благослови Творецѣ!
 МОНАРХОВѢ образецѣ.
 Онѣ нашѣ отецѣ!

Онѣ нашѣ отецѣ и Царѣ;
 На вѣрности олшарѣ
 Ему несемѣ мы вѣ дарѣ —
 Любовь сердецѣ!

Святый восторгъ благошворенья!
 Что въ мірѣ сладостнѣй тебѣ?
 Благаго образъ Провидѣнья:
 Въ другихъ зрѣшь щасливымъ себя,
 Добру всѣ посвящашъ мгновенья,
 Несчастныхъ какъ родныхъ любя.

Кто благо обще назидаетъ,
 Достоинъ потѣ любви сердецъ;
 Но онъ признанья не алкаетъ,
 Не льститъ его наградою вѣнецъ:
 Награду въ сердцѣ обрѣтаетъ;
 Сердечно чувствіе не льстецъ.

Героевъ славила вселенна;
 Но славы гласъ замолкъ въ вѣкахъ;
 Хвала, на камняхъ изсѣченна,
 И обелиски — пали въ прахъ:
 Благошворенья мзда неплѣнна,
 Она насъ ждетъ на небесахъ. —

Святый восторгъ благошворенья!

А Д Р Е С Ъ,

ПОДНЕСЕННЫЙ
ДВОРЯНСТВОМЪ
ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ
ЕЯ СІЯТЕЛЬНОМУ КНЯГИНѢ
В. А. РЕПНИНОЙ,

Урожденной ГрафинѢ Разумовской.

1818 Года, Декабря 13 дня, Полтавской Губерніи Губернскій и Повѣшовые Маршалы дворянства съ занимающими мѣста пѣкошорыхъ, будучи въ Губернскомъ городѣ Полтавѣ, по случаю открытія учрежденнаго здѣсь Института для благородныхъ дѣвицъ, и видѣвъ съ восхищительнымъ чувствомъ радости и признашельности, что предположенное Ея Сіятельствомъ, Княгиню Варварою Алексѣевною Репниною благошвореніе краю сему, оносительно къ основанію таковаго Института, приведено уже къ совершенному окончанію, и что неупомимое Ея Сіятельства попеченіе къ усмотренію общепользнаго за-

веденія сего преодолѣло всѣ трудности, въ предначинаніи его предстоящія; къ чему одна скороисполнительность сословія нашего во взнесеніи пошребной суммы была бы весьма недоспащочна, ибо къ благоуспѣшному исполненію нужны были дѣятельныя мѣры, принятыя Ея Сіятельствомъ, и необходимо было пламенное рвеніе къ совершенію добра, свойственное шокмо благороднѣйшей душѣ. Положили: принести отъ лица всего Дворянства Полтавской Губерніи чувствительнѣйшую за то Ея Сіятельству благодарность, съ засвидѣтельствованіемъ, что она не изгладится въ сердцахъ дворянства и перейдетъ къ позднѣйшему потомству, ибо вѣчно обновляющійся памятникъ благошворенія будетъ напоминать вѣчно о благошворительницѣ.— Адресъ, съ изъясненіемъ всего вышеписаннаго, ушвердивъ нашимъ подписомъ, поднести лично Ея Сіятельству.

Подлинное подписали:

Полтавскій Губернскій Маршалъ
Дворянства и Кавалеръ Василій
Чарнышъ.

Полтавскаго повѣта Маршалъ Ле-
венецъ.

Кобеляцкаго повѣта Маршалъ Лсѣѣ
Ганжа.

Маршалъ Дворянства Золошопш-
скаго повѣта Павелъ Болюбашъ.

Маршалъ Дворянства Зеньковскаго
повѣта Иванъ Пащенко.

Маршалъ Дворянства Константи-
ноградскаго повѣта Дмишрій Су-
лима.

Маршалъ Хорольскаго повѣта Се-
менъ Сшарицкій.

Гадячскаго повѣта Маршалъ Война.

Прилуцкаго повѣта Маршалъ Яковъ
Горленко.

Лохвицкаго повѣта Маршалъ Ан-
дрей Минковичъ - Петровскій.

Миргородскаго повѣта Маршалъ
Алексѣй Ломиковскій.

Повѣта Лубенскаго Маршалъ Ку-
лябка.

Хорейжій Кременчугскаго повѣта
Остроградскій.

Правящій должность Маршала Хо-
рейжій Миклашевскій.

ДИКІЙ
ЧЕЛОВѢКЪ,
СМѢЮЩІЙСЯ

УЧЕНОСТИ И ПРАВАМЪ

Ивану Николаевичу

НЫНѢШНЯГО СВѢТА.

№ 476.

изд. П. Богдановичемъ.

второе писаніе.

въ Санктпетербургѣ 1790 года.

продается по Невской Перспективѣ у Аничковского
мѣста въ домѣ Г. Зубова по 40 коп.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Персіане, Евреи, Китайцы, Индѣйцы, Греки, угрюмые Агличане довольствующіеся быть зрителями другихъ, французы писатели по своему сложенію, филозофы пріемлющіе иногда и самыя противорѣчія за основаніе своего умствозванія, стихотворцы и всякаго рода ученые писали намъ и повседневно лишутъ исторію своихъ мыслей, то есть исторію заблужденій и противорѣчій разума человѣческаго. Всѣ они показываютъ намъ себѣ не таковымъ, какоеъ есть оной въ самомъ дѣлѣ, но таковымъ, каковымъ представляется воображенію каждаго. Одинъ изображаетъ оной иногда самыми нѣжными красками; другій какъ въ краскѣ такъ и въ рисункѣ погрѣшаетъ. Всякъ дѣлаетъ по своему, а никто не слѣдуетъ прямо природѣ.

Не токмо каждый взираетъ особливымъ образомъ на предстоящія ему вещи и различно объ оныхъ разсуждаетъ; но и самыя предмѣты кажутся намъ столь разнообразными и столь разнообразными и потому

раждають въ насъ столь противныя чувствія, что мы не иначе какъ съ трепетомъ должны размышлять и о тѣхъ вещахъ, кои представляются намъ въ самомъ простѣйшемъ видѣ.

Разумъ есть такое существо, о которомъ всякъ говоритъ, но никто ничего не знаетъ. Оной приводитъ въ заблужденіе тѣхъ, кои намѣреваются свойство его изслѣдовать и почитаютъ за дѣйствіе и причину всего, когда не бываетъ предводительствуемъ нѣкоторою сущностію превышающею самой разумъ, которой сравнить можно съ тѣми огневидными лапами, кои путешествователь видитъ въ nocturnое время, и которые представляя ему обманчивой свѣтъ, нечувствительно съ пути его сбиваютъ и къ пропастямъ приводятъ.

Оной есть младенецъ обманывающій своихъ путеvodителей и послѣ имъ посмѣвающійся. Самые великіе философы по большей части были токмо суемудрые люди; мужи самые глубокомысленные сомнѣвались о всемъ даже и собственномъ своемъ существованіи, а люди въ писъмословіи искусные, художники славные и всѣ тѣ, кои разумнѣйшимъ образомъ изъясняли и опи-

сывали чувства, не всегда имѣли чувстви-
тельные сердца.

Но если разумъ обманываетъ насъ без-
престанно, если оной подверженъ безчи-
сленнымъ заблужденіямъ; то какое поня-
тіе должны мы имѣть о обитаемомъ на-
ми мірѣ, съ какими чувствованіями дол-
жны езирать на оной, и какія чувствія
родились бы въ томъ человѣкѣ, который
въ первый разъ увидѣлъ бы свѣтъ въ та-
комъ возрастѣ, въ которомъ другіе гото-
вятся оной оставить?

Такими мыслями упражненъ я былъ въ
то время, когда начертавалъ сіи изслѣдо-
ванія, въ которыхъ читатель увидитъ,
что если разумъ насъ иногда обманываетъ,
то чувства не обманываютъ никогда, и если
оныя не показываютъ причины всему, то
по крайней мѣрѣ научаютъ насъ сомнѣ-
ваться.

Дикій человѣкъ, скитавшійся въ однихъ
шукмо лѣсахъ и пустыняхъ, именемъ
Ацемъ, вознамѣрившись обозрѣть всѣ
различные народы, обитающіе на семъ
маломъ земномъ шарѣ, пришелъ нѣкогда,
забавляясь звѣриною ловлею, въ столицу
самаго просвѣщеннѣйшаго государ-
ства. Тутъ всякъ ему сперва дивился,
и между тѣмъ, какъ одни смѣялись сло-
женію его тѣла, другіе со удивленіемъ
на него взирали, а третіе съ исполнен-
ными слезъ очами вопили, возможно ли,
что бы естество положило такое
различіе между людьми? — Для чего всѣ
они нѣ такъ удивляются? размышлялъ
Ацемъ, и для чего я въ однихъ смѣхъ, а
въ другихъ плачь причиняю? Прикрыва-
ющая нагошу мою звѣриная кожа хотя
и не выдѣлана руками человѣческими,
однако она такая же, каковую и всѣ
употребляютъ, съ тѣмъ шукмо разли-
чіемъ, что она выдѣланной нѣсколько
различной видъ имѣетъ. У однихъ пла-

шье назади подобрано, а подѣ рукою
треугольная шапка, у другихъ же напро-
шиву того волочится съ зади, и шапка
съ верьху чешвероугольная, а съ низу
круглая; но въ самомѣ дѣлѣ, развѣ по
уже не плашье и не шапка?

Между шѣмѣ, какѣ онѣ такимѣ об-
разомѣ разсуждалѣ, день началѣ укло-
няшьяся и ночь наступила; сѣе прину-
дило его просить о сшраннопрѣимствѣ;
но какѣ онѣ не зналѣ шамошняго языка,
по всякѣ обѣ немѣ думалѣ, что гово-
рилѣ по Еврейски; по чему и почли его
за скрышнаго вора, и хошѣли было уже
шащипѣ на сѣѣзжую, однако по ша-
снѣю его одинѣ философѣ возвращаясь
изѣ нѣкоего мѣста, гдѣ онѣ спорилѣ съ
другимѣ о врожденныхѣ понятѣяхѣ, про-
шелѣ мимо, и увидѣвъ его, взялъ сѣ со-
бою. Въ короткое время помощѣю Ака-
демическаго лексикона, научилѣ онѣ его,
сколько могѣ, шамошнему языку; и ког-
да *Ацемѣ* приобрѣлъ довольное уже обѣ
ономѣ свѣденѣе, по спросилѣ его фило-
софѣ, о чемѣ онѣ до сего времени мы-
слилѣ? О томѣ же, о чемѣ и вынѣ; ибо

всѣ ваши книги ничему новому меня не
 научили. А о чемъ вы теперь думаете,
 сказалъ философъ? О томъ опившесиво-
 валъ *Ацемъ*, что между вашимъ просвѣ-
 щеннымъ и науками украшеннымъ раз-
 умомъ, и моимъ шмою невѣжесва по-
 мраченнымъ, и только что изъ лѣсу вы-
 шедшимъ, различіе не столь велико, какъ
 вы себѣ воображаете. На примѣръ я
 всегда думалъ, что солнце вокругъ земли
 обращается, и сіе мнѣ чудно и удиви-
 тельно казалось; вы же напрошиву шо-
 го учите меня, что земля, слѣдователь-
 но и мы вершимся около ничего въ са-
 мой срединѣ пустошы. Сіе мнѣнїе ка-
 жется мнѣ проснѣе и естесственнѣе, но
 не меньше чудно и не меньше удиви-
 тельно: вошъ какое различіе между ва-
 шимъ и моимъ разумомъ; но ни вы, ни
 я во вѣки не познаемъ, что есть солнце,
 земля, и мы сами. Вашъ разумъ, равно
 какъ и мой всегда будетъ заблуждаться,
 когда токмо захочетъ сравнивать пы-
 линку съ вселенною, безконечностію,
 вѣчностію и проч. Вошъ въ чемъ уподоб-
 ляемся мы другъ другу. Такое понятіе

о подобіи вашего разума съ моимъ врождено ли мнѣ или нѣтъ, до того нѣтъ нужды; я шокмо заподлинно знаю, что чувства мои съ понятіемъ имѣютъ весьма малое соотвѣщеніе. Разговаривая такимъ образомъ повелѣ нашъ философъ *Ацема* въ театрѣ, гдѣ представляли тогда новаго сочиненія трагедію, въ которой нѣкая Царица беспокоясь чрезмѣрно о сынѣ своемъ, непрестанно проливала слезы: она опасалась, что бы сынъ ея, коего она принуждена была поручить въ попеченіе одному изъ своихъ подданныхъ, заказавъ объявлять ему о природѣ и достоинствѣ его, не впалъ бы въ руки убійцы, посягнувшаго на жизнь ея супруга, и что бы онъ для утвержденія себя на престолѣ, не лишилъ и его жизни. Молодой чужестранецъ жившій въ однихъ шокмо лѣсахъ подобно *Ацему*, приведенъ былъ предъ нее, и обвиненъ въ убіеніи ея сына; она спремится пронзить его кинжаломъ изъ собственныхъ своихъ рукъ; но вдругъ приходитъ человекъ и удерживаетъ ея руку; шотъ же, коего она смерти пре-

дашь хотѣла, былъ самой ея сынъ: по томъ приходитъ самъ злодѣй, удивляется, что ударъ не совершился, сомнѣвается о причинѣ удержавшей ее отъ сего намѣренія; но сомнѣніе его скоро исчезаетъ и онъ принуждаетъ Царицу вступить съ нимъ въ бракъ и обѣщываетъ признасть сына ея за своего роднаго; сынъ слѣдуетъ въ храмъ за ними, но для того токмо, что бы жертвеннымъ ножомъ поразить пирана и отмстить смерть своего родителя.

О небо! вскричалъ *Ацемъ*, по окончаніи представленія, что заставляетъ людей говорить такимъ образомъ, и въ кошоромъ краю свѣша обиааетъ вливающее въ нихъ такія мысли существо? Всѣ съ восхищеніемъ похваляли сіе печальное позорище. Люди, коихъ называютъ оспроумными, собрались толпами, чтобы учинить на оное крипику; но то, чему одни удивлялись, другіе находили несноснымъ. *Ацемъ* сказалъ: о! сколь глупая шварь на свѣшѣ разумный человекъ, и отходя отсюда изъясвилъ чрезмѣрное желаніе видѣть сочи-

нишеля. Мы тебя къ нему поведемъ, сказали ему зрители, но прежде надобно знаешь, что такое есть сочинитель, и для того, пойдемъ сперва къ славному живописцу. Они туда пошли, и *Ацемъ* не могъ довольно надивиться красотъ находившихся тамъ самой превосходнѣйшей работы картинъ; но примѣшивъ по шомъ, что онъ безпорядочно разшавлены были, и что въ иномъ мѣстѣ стояла Богоматерь подлѣ Венеры, въ другомъ изображеніе попопа съ изображеніемъ баснословныхъ исполиновъ; одна посшавлена въ хорошихъ рамахъ и въ самомъ лучшемъ мѣстѣ, а другая брошена была на столѣ, *Ацемъ* спросилъ живописца, не такъ ли содержаніе сихъ картинъ расположено и въ его головѣ, и не такъ ли онъ и въ мысляхъ своихъ смѣшиваетъ исторію съ баснословіемъ и святыню со свѣтскими дѣлами? Удивленный его вопросомъ, не зналъ что на сіе отвѣтствовать. *Ацемъ* вышелъ отъ живописца, будучи весьма доволенъ работою его а не разумомъ. Вотъ, что есть сочинитель, сказалъ ему нашъ фи-

лософъ, который его ни на часъ не покидалъ; онъ есть такой человекъ, который съ жаромъ пишетъ, и смѣшиваетъ въ одномъ сочиненіи всевысочайшее существо съ баснословными богамъ, и который всѣ исторіи почитаетъ за сказки, а сказки сочиняетъ самъ вмѣсто истинныхъ повѣстей. Ахъ! сколь онъ несмысленъ, вскричалъ *Ацемъ*: нѣтъ, я уже его и видѣть болѣе не желаю. Опшуда пошли они въ одно изъ тѣхъ мѣстъ, куда люди всякаго званія, и шакіе, кои никакого не имѣютъ, собираются разсуждать о всѣхъ людяхъ, кои были, кои суть и кои впредь будутъ. Сіе шумное собраніе, раздѣлено было на разные большіе круги, окрестъ коихъ находились по сторонамъ другіе меньшіе. Въ каждомъ полчищѣ было по одному начальнику, которые спорили о всякомъ предмѣтѣ, о какомъ шокмо ихъ ни вопрошали. Тутъ ни о чемъ болѣе неговорили, какъ о божествѣ, о народахъ, о правленіяхъ, о законахъ, о войнѣ, о государственныхъ доходахъ, о торговлѣ, о наукахъ, о художествахъ и

сему подобномъ. Сперва невнятной шокмо шумъ, поразилъ ихъ слухъ; но подошедъ ближе, слышали они все, что тамъ ни было говорено. *Ацемъ* слушалъ съ великимъ вниманіемъ, какъ таковой человѣкъ, для коего все новымъ кажется, который желаетъ научиться, и старается разогнать сомнѣнія рождающіяся въ его душѣ и познать причину колеблющихъ оную чувствованій. Въ свѣтѣ находящаяся два рода философій: одна съ самаго начала представляетъ вещи разуму такъ, какъ будто бы оной всегда ихъ видѣлъ; а другая напрошиву того производитъ, что онъ всегда смошрѣлъ на вещи такъ, какъ будто бы въ первой разѣ оныя увидѣлъ. Сіи два рода философій, чувствами постигаемой и просвѣщаемой разсудкомъ, приводятъ разумъ на путь истинны; отсюда такъ же начинается и путь въ заблужденіе ведущій, а именно когда привычка на все взирать безъ размышленія, предразсужденіе и спрасши, сокрываютъ онъ него путь, коего онъ держаться долженъ. Въ таковомъ состояніи находился *Ацемъ*,

когда приблизился ко кругу знаній чело-
 вѣческихъ ; онѣ еще не былѣ ни на пу-
 ши истинны , ни на пуши заблужде-
 нія. Множество великихъ умовъ весь-
 ма сильно воспламененныхъ , уже из-
 давна не были между собою согласны , и
 спорили съ великимъ жаромъ о разныхъ
 предмѣсахъ. „Нѣтъ Бога, говорилъ одинъ
 изъ нихъ, а если бы онѣ и существо-
 валъ, то былъ бы несправедливъ ; все
 произвелъ случай. Огнь пополяетъ зем-
 лю и обращаетъ оную въ пепелъ ; наво-
 денія ее опустошаютъ , суровость воз-
 духа покрываетъ изпещренное чело-
 льдомъ, и обнаживъ ее разпространяетъ
 всюду по ней печаль и скуку , оспори-
 ваемую скопиною у челоѣка ; люди во-
 оруженные огнемъ и мечемъ презирая
 вѣтры, вихри и бури преплываютъ са-
 мые океаны, отъ одного полюса къ дру-
 гому, дабы шокмо обогреть землю кро-
 вью своего племени : живошное должно
 необходимо для сохраненія жизни своей
 и для подкрѣпленія бытія своего изпре-
 блять другія существа ; но челоѣкъ не-
 сравненно еще злополучнѣе ; ибо онѣ не

шокмо не могъ бы наслаждаться долго-
временною жизнію, но принужденъ бы
былъ при самомъ своемъ рожденіи оной
лишиться, если бы не убивалъ другихъ
животныхъ и не содиралъ съ нихъ кожи
для прикрытія нагошы своего тѣла, и
если бы не покоился на ихъ волосахъ,
шерсти, перьяхъ и пухъ. Горделивыя
и возвѣщающія величество и слабость
человѣческую зданія, воздвигнутыя людь-
ми для защищенія своего отъ сурово-
сти стихій, споили великаго иждиве-
нія и жизни многимъ несчастнымъ; дру-
гіе же для того шокмо избѣгнули опа-
сности, что бы остатокъ плачевной
жизни своей провождашь въ мученіяхъ
и спраданіяхъ. Стихіи непрестанно
между собою борющіяся, животныя пи-
тающіяся плотию другихъ; люди другъ
друга убивающіе; злощасные въ прахъ
валяющіеся и ранами покрытые; бѣ-
дностію и скорбію въ крайнее уныніе
поверженные, мимо коихъ и самой же-
стокосерднѣйшей человѣкъ безъ трепета
и ужаса проходить не можетъ; все сіе
возвѣщаетъ раздраженнаго Бога, отъ

гнѣва коего спонешъ вся вселенная. Но чемъ же подвигнуть на гнѣвъ Богъ, долженствующій бытъ по необходимости самою благоспѣю? почто столь ужасныя бѣдствія, должны довершены бытъ еще большими. Почто младенецъ во утробѣ матерней умирающій, дикій во единыхъ шокмо лѣсахъ обитающій, Индѣецъ, Турокъ, лжеполкователь вѣры, и прочіе, предадутся вѣчному наказанію, за непознаніе сотворшаго ихъ Бога? для чего не возможно его познать инако, какъ сквозь непоспимыя таинства? почто разумъ нашъ съ толикимъ къ сему трудомъ склоняется? почто слабые наши очи столь трудно на свѣтъ взираютъ? почто грѣхопаденіе первобытнаго чловѣка причинило столь великую въ естествѣ премѣну? для чего? . . . Нѣкій остроумный философъ исполненный жара къ заблужденію и вымысламъ обративъ своихъ прервавъ его рѣчь, отвѣтствовалъ съ холодностію: опытами доказано, что въ свѣтъ болѣе добра нежели зла, пошому что не много такихъ людей, кои бы себя желали смерти. Да

и все доказываетъ, если шокмо воззрѣшь
 безприспращнымъ окомъ на природу,
 что Богъ есть и Богъ правосудный; сло-
 во добро и благосостояніе суть двусмы-
 сленны; что худо въ разсужденіи тебя,
 что хорошо во устроеніи всеобщемъ: ес-
 ли волки пожирають овецъ и если пау-
 ки ловяють мухъ, то не видишь ли, что
 сіи безпрерывно пожираемые и всегда
 вновь рождающіеся роды полезны въ
 союзѣ вселенныя; спашешь ли оприцать
 Бога для того, что ты былъ боленъ
 горячкою? Ты говоришь, что онъ дол-
 женъ пещися о швоемъ благосостояніи:
 какую ты имѣешь причину шакъ мы-
 слишь? по чему долженъ онъ устрое-
 вать швое благоденствіе? какой въ томъ
 онъ учинилъ съ тобою договоръ? ты
 самъ, когда вскармливаешь въ клевѣ
 скошину на убой, конечно не поже-
 лаешь, что бы тебя почиали за то
 злымъ; какъ же можешь укорять же-
 стокосшію Владыку всѣхъ живоп-
 ныхъ, кошорый сошворилъ ихъ для
 того, что бы каждое было сѣдено во
 свое время? Я ничего не стану говорить

о томъ, что Американцы и древняго свѣта народы, каковы на прим. Арапы и Японцы не отъ одного происходятъ чело-
 вѣка; внутреннее устройство чувствен-
 ныхъ орудій въ Арапѣ, служишь сему
 убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ.
 Но когда ты уповаешь наслаждаться
 блаженствомъ въ продолженіе цѣлыя
 вѣчности, всѣ несчастія сей скоротеч-
 ной жизнию называемой минушы, спо-
 яшь ли того, что бы объ нихъ и гово-
 ришь. Разумъ удосповѣряешь насъ,
 что Богъ есть, но что бы постигнуть,
 что онъ есть, что творить и на какой
 конецъ, то думаю, должно быть имъ
 самимъ. Въ прочемъ мало въ томъ нуж-
 ды, подъ какимъ именемъ смершныя на
 помощь его ни призывають. *Бонза и Дер-*
вишъ оба равномѣрно Справедли-
 во, и я то же утверждаю, отъвѣтство-
 валъ другой мудрецъ; скошы же не толь-
 ко, какъ ты думаешь, простыя и хоро-
 шо составленныя махины, но на проти-
 ву того имъ не достаешь единого ток-
 мо слова, дабы возъимѣшь надъ нами
 преимущество. Да и въ самомъ дѣлѣ

они имѣютъ волю заставляющую ихъ любить одну вещь болѣе другой, такъ же имѣютъ память, разсудокъ и спра-
спы ; они чувствуютъ кротость, ми-
лосць, благодарность, гнѣвъ, ярость,
мщеніе и лютость; они надменны и гор-
ды, смиренны и униженны; они одарены
чувствами, кои совершеннѣе нашихъ,
и явили намъ первыя понятія о художе-
ствахъ и знаніяхъ, нужныхъ для сохра-
ненія нашего бытія, и они имѣютъ до-
статочное понятіе о разумѣ, сердцѣ и
спрастяхъ человѣка, какъ для того,
что бы быть ему полезнымъ и при-
обрѣтать его къ себѣ любовь, такъ и по-
тому, что бы его спрашивать и убѣ-
гать. Наконецъ человѣкъ, самой коры-
столюбивѣйшій изъ всѣхъ животныхъ,
одинъ только бываетъ иногда столько
ослѣпленъ, что не видитъ собствен-
ныхъ своихъ выгодъ, и одинъ токмо онъ
лишается иногда совсемъ разума своего;
все сіе не доказываетъ ли, что различіе
между скопомъ и человѣкомъ не велико,
и если бы человѣкъ имѣлъ роги на головѣ
и когти на рукахъ и на ногахъ, то бы онъ

былъ самую свирѣпѣйшую тварю изъ
 всѣхъ живопныхъ. Хотя любовь ко бла-
 гоуспроисхвѣту, правосудію и добродѣ-
 шели ни мало непричастная личному
 корыстолюбію, такъ же сильныя стра-
 сти человѣка ко всему тому, что касает-
 ся до его сердца и чувствъ и что возвы-
 шаетъ душу его превыше ея самой, мо-
 гутъ по истиннѣ его нѣсколько отъ
 нихъ отлучить; но слѣдствія изъ все-
 го сего подобны той чести, коею наслаж-
 дался Кандидъ будучи за однимъ столомъ
 съ шестью сверженными съ престола
 Королями въ наилучшемъ свѣтѣ. Тако-
 выя малости не заслуживаютъ нашего
 вниманія; ибо онѣ суть такія тайнства,
 кои токмо постигнушы въ замыслова-
 ныхъ, но не понятныхъ Плапоновыхъ
 бредняхъ, пошому что одинакія дѣй-
 ствія могутъ попеременно называться
 добродѣтельными и порочными, и что
 добродѣтель должна подвержена быть
 переменамъ измѣняющимъ видъ и самыхъ
 монархій; и въ слѣдствіе сего правила
 воровству надлежало быть въ чести у
 Спартаксовъ, такъ, какъ оное и нынѣ

не въ презрѣнїи въ царствѣ Конго. Не худо было бы упомянуть еще о живошныхъ, что онѣ какъ чиняшъ убійства, хищеніе и грабительства безъ злаго умысла и безъ раскаянїя, такъ точно и благодѣянїе творяшъ безъ добродѣтели, но по одной токмо склонности, чувствованію и естественному побужденію; однако сїе примѣчанїе теперь еще бесполезно; ибо нѣкошорый челоувѣкъ весьма проникнувшій свойство сердець челоувѣческихъ, а другїй изъяснившій намъ свойство разума, полагая, что разсужденіе есть не иное что, какъ чувствованіе, и что ошмѣнный даръ, коимъ иной челоувѣкъ украшенъ бываетъ, раждается въ немъ отъ обстоятельствъ, въ коихъ онъ находился и проч. примѣшили, что челоувѣкъ все, что ни дѣлаешъ, дѣлаешъ по одному самолюбію и что оное есть начало и причина всѣхъ дѣйствїй; ибо изъ самолюбія токмо и по отношенію всего къ самому себѣ, челоувѣкъ бываетъ жестокосердъ и чувствительнъ, щедръ и корыстолюбивъ, униженъ и покоренъ. Единственно по са-

молюбію чловѣкъ съ великимъ спарані-
 емъ ищетъ почтенія и дружества дру-
 гихъ людей, и по самолюбію ихъ убѣ-
 гаешъ; на конецъ по самолюбію спра-
 шится онъ смерти, и по самолюбію
 оную презираешъ. Не душа разумомъ
 худо или хорошо управляется, но ра-
 зумъ слѣдуетъ движеніямъ души, или
 лучше сказать, въ томъ не имѣешъ
 и никакого участія. Не по чувствован-
 нію чловѣколюбія, разумный и чувст-
 вительный чловѣкъ дѣйствительно бы-
 ваетъ пронунъ нещастіями себѣ по-
 добнаго, и бѣдствія его относитъ не
 шокмо къ самому себѣ, но и ко всѣмъ
 людямъ вообще; не общественная любовь
 заставляешъ его размышлать, но одно
 шокмо особое самолюбіе и внутрен-
 нее побужденіе. „О небо! вскричалъ
 Ацемъ, какія ужасныя мнѣнія? какія про-
 шиворѣчія! какое безуміе! какія нелѣпо-
 сти! какія спрашныя слѣдствія спра-
 ведливѣйшихъ разсужденій! какія лжи-
 выя, слабыя и смѣшныя разсужденія!
 сколь онѣ не достойны, что бы ихъ
 опровергать! сколь заблуждаешся чело-

вѣческой разумѣ, когда похочетъ раз-
мышлять о вещахъ понятіе его превы-
шающихъ! Далѣе видны были два физи-
ки спорящіе о существованіи полноты
и пустоты. „Правда ли, говорилъ одинъ,
что два шѣла могутъ дѣйствовать од-
но на другое и не припротыкаясь давить
другъ друга, и что онѣ могутъ въ одно
время притыкаться и отражать себя
взаимно, безъ всякаго между собою со-
общенія? Вѣроятно ли, опровергивалъ
другой, что всѣ шѣла одному закону
подверженныя, не могутъ быть приве-
дены въ движеніе безъ непосредствен-
наго прикосновенія? Возможно ли, ска-
залъ Картезіанецъ, что бы было въ под-
солнечной, какое ни есть мѣсто совер-
шенно пустое; что бы небесныя шѣла
плавали въ ничтожествѣ; что бы части-
цы вещества раздѣлены были простран-
ствомъ ничтожества, и что бы между
частичками, изъ коихъ составляются воз-
душныя шарики, и огненнымъ веществ-
вомъ, которое еще не извѣстно, нахо-
дились междумѣстія совершенно пу-
стыя, и въ коихъ бы совсемъ ничего не

было? Проникнулъ ли кто въ свойство
 ничтожества или пустоши сноль же
 непоспимой какъ и безконечность,
 вѣчность и высочайшее существо? Всѣ
 изслѣдованія самыхъ остроумнѣйшихъ
 мужей были въ семъ случаѣ тщетны, и
 кажется, что все сѣ индѣ не можетъ
 имѣть мѣста, какъ шокмо за предѣла-
 ми вселенныя. Чрезъ пустоту разумѣ-
 емъ мы, ошвѣщствовалъ Невтоніанецъ,
 нѣчто большее нежели ничто, однако
 же ошнюдѣ не вещество и не совершен-
 ное ничтожество, инако чистымъ про-
 странствомъ именуемое, среди коего
 движущая всѣ тѣла. Но какая та вещь,
 сказалъ Картезіанецъ, которая совсемъ
 недействуетъ на тѣла ея окружаемая
 и онымъ не сопротивляется, и коей оиѣ
 равномерно не сопротивляются, дабы не
 пресѣчь чрезъ то своего теченія? Не
 должно ли назвать ничтожествомъ ту
 вещь, которая кромѣ пространства и
 пустоши, никакого свойства болѣе въ
 себѣ не заключаетъ? Пространство чи-
 стое или пустоша и ничтожество суть
 равно не удобопонятны; да и можно ли
 найти различіе между двумя совсемъ

чувствамъ нашимъ неподлежащими вещь-
ми? Частица самая малѣйшая, какую
покою себѣ представить можно, соста-
влена изъ безконечнаго множества дру-
гихъ частей, изъ коихъ каждая можетъ
еще дѣлиться до безконечности; и въ
семъ случаѣ разумъ далѣе простирается
нежели воображеніе, но путь долженъ
оной уже и остановиться и отнюдь не
сильнѣе пышно изслѣдовать свой-
ство ничтожества, пустоты, чистаго
пространства и тому подобнаго. Если
одна частица вещества недѣлима до
безконечности, то вещество есть без-
конечно, сказалъ Невтоніанецъ. Если
есть одна недѣлимая частица, оп-
редѣлялъ Картезіанецъ, то она
непрерывно есть существо единое, чи-
стое, простое и неизмѣняющееся; и
въ семъ случаѣ вещество долженству-
етъ конечно бытъ вѣчно. Какъ, вскри-
чалъ Ацемъ, люди несогласны еще о
свойствѣ и существѣ одной песчинки, а
хотящѣ познать существо души тѣль,
и стремящѣ постигнуть существо са-
мого Бога! Справедливо удивляешься ны

Ацемъ, отвѣтствовалъ другой фило-
 софъ, выступя изъ круга, прошиворѣ-
 чіямъ мудрецовъ; но со временемъ бу-
 дешъ ты обьятъ большимъ еще удивле-
 ніемъ. Весь сей міръ столь наполненъ
 прошиворѣчіями, что ужасаться дол-
 жно, если шокмо посмотришь прилѣ-
 жно на людей оной населяющихъ. Въ
 нравственномъ мірѣ находятся шакіе же
 вихри и круги, какіе и въ веществен-
 номъ. Всѣ люди безспорно населяютъ од-
 ну землю, но не одинъ міръ. Въ Пари-
 жѣ, въ Лондонѣ, въ Римѣ, въ Конспан-
 тинополѣ, въ Пекинѣ и въ прочихъ мѣ-
 стахъ не одинъ міръ, но всюду разли-
 ченъ. Въ Петербургѣ не шотъ міръ,
 которой въ Москвѣ; въ городѣ не шотъ,
 которой въ предмѣстїи, а въ предмѣ-
 стїи не шотъ, которой въ деревнѣ.
 Каждой изъ сихъ міровъ имѣетъ безчи-
 сленное множество законовъ, нравовъ и
 обычаевъ разныхъ, коимъ оной большею
 частію слѣдуетъ по единому шокмо
 предубѣжденію. Въ ученомъ свѣтѣ есть
 нѣкто славный мужъ, трудившійся въ
 изданїи великаго и весьма важнаго сочи-

ненія, и странствовавшій двадцать лѣтъ для того шокмо, что бы постигнутьъ смыслъ разныхъ народовъ. Иные говорятъ, что онъ ошибся, другіе недоумѣваютъ, кто правѣ изъ нихъ, сочинитель или кришики, и всѣ въ томъ шокмо согласны, что онъ былъ мужъ ошмѣннаго разума; однако же въ свѣтѣ истинна одна, правосудіе единое, красота одна и хорошій вкусъ всюду одинъ.

Слѣпое суевѣріе, коего жертвенники всегда кровію обогрѣны были, невѣжество и заблужденіе не суть еще величайшія бѣдѣнвія человѣчество поражающія; истинна научающая человѣка познавать самого себя, науки показующія предѣлы его разума и малое пространство его знаній, письменное и художества очищающія его вкусъ и раждающія въ немъ новыя желанія, коихъ всѣ напряженія искусства и купно естества удовольствоваться не могутъ, ни къ чему болѣе не служатъ, какъ шокмо ко усугубленію его злополучія. Онъ раждаютъ въ немъ презрѣніе ко всему тому, что очамъ его кажется несовершеннымъ, дѣлаютъ самое его бытіе тягостнымъ

и заставляющъ его убѣгать свѣта, не смотря на то, что онъ болѣе всякаго другаго человѣка не навидитъ уединенія, по тому что онъ лучше чувствуетъ цѣну хорошаго общества; и разумъ необходимо долженъ напрягать всѣ свои силы, что бы не впастъ въ заблужденіе и не ослѣпиться мечтаніемъ. Однако же человѣкъ не для того рожденъ, что бы пребывать въ заблужденіи, но дабы знать, любить и почитать истинну и возбуждать въ другихъ къ оной такія же чувства.

Человѣкъ есть нѣчто сложенное изъ всѣхъ противоборствующихъ между собою свойствъ: онъ свирѣпѣе всѣхъ звѣрей; ибо волки не пожираютъ волковъ, ни шигры шигровъ, а человѣкъ не однократно питался плотию человѣческою; но онъ и чувствительнѣе всѣхъ животныхъ, кои имѣютъ чрезмѣрную горячность токмо къ дѣшамъ своимъ, а къ другимъ животнымъ своего рода ничего не чувствуютъ кромѣ безприсрастія, къ инороднымъ же являютъ лютость, **выключая собаку, которая остается**

преданною человѣку, который одинъ по-
мо ощущаетъ въ себѣ жалость ко вся-
кой дышущей пшари. Далекія путеше-
ствія, знакомство со знашными особа-
ми, обхожденіе съ женщинами и разнаго
званія людьми, науки, изящныя письма
и художества повреждае его сердце, об-
разуютъ его разумъ, который по есте-
ству своему не что иное есть, какъ за-
блужденіе и мечтаніе, по тому что до-
бродѣтель производитъ отъ гордости
и тщеславія, а красота и пріятности
раждаются отъ роскоши. Однако же че-
ловѣкъ не съ шѣмъ рожденъ, что бы
жилъ во уединеніи, скипаться въ лѣ-
сахъ, перескакивать по деревьямъ съ сука
на сукъ, дабы избавишься отъ лютыхъ
звѣрей, какъ то утверждаетъ гражда-
нинъ Женевскій. Самый дикій человѣкъ
имѣетъ лукъ и стрѣлы для убіенія звѣ-
рей, поелику природа не дала ему че-
тырехъ ногъ для бѣганія и двухъ крылъ
для лешанія. Онъ имѣетъ шалашъ для
жилища и звѣриную кожу для прикры-
тія своея наготы для того, что одинъ онъ
есть въ естествѣ такое живошное, ко-

ему воздушныя перемѣны вредъ наносишь могущъ; и ему всегда необходимо нужно имѣть съ собою товарища для того, что изъ всѣхъ животныхъ одинъ токмо онъ не можешь самъ себя доставать всего того, въ чемъ онъ имѣетъ нужду, и первая его нужда состоитъ въ общежитіи.

Слѣпое его сердце въ стремленіяхъ своихъ обуреваемъ имъ безпрестанно, если онъ не бываетъ предводительствуемъ и просвѣщаемъ разумомъ, которой такъ же ни къ чему болѣе ему не служишь, кромѣ токмо къ низверженію его изъ единой бездны въ другую. Онъ обрѣтая истинну, не можешь на нее безъ поврежденія очей своихъ смотрѣть, пошому что она или разгоняетъ мечтаніе блаженство его составляющее, или показываетъ ему предѣлы, гдѣ должны остановиться любопытные его взоры.

Онъ ищетъ счастья, но безпрестанно отъ онаго удаляется, и зная что оное умножается по мѣрѣ содѣйствія своего на общество, предприимлетъ ис-

кашъ онаго въ независимости. Но съ того времени, какъ независимость водворилась въ міръ и начала обладать людьми, счастіе на вѣки исчезло. Римская Республика, въ копорой духъ независимости болѣе владычествовалъ, нежели въ другихъ мѣстахъ, должна была необходимо подвержена быть раздорамъ, мяшежамъ и междоусобнымъ бранямъ. Въ самовласныхъ государствахъ управляемыхъ волею, своенравіемъ и прихотями единого человѣка, и гдѣ опочаиіе приводитъ людей на такіа дѣла, на какія и самая дерзость не всегда устремляется, владѣтель и его подданные безпрестанно смущаемые ожиданіемъ самой незапной смерти, должны препровождать жизнь исполненную страха и горести. Счастіе произтекаетъ ни отъ независимости, ни отъ жизни препровождаемой въ работѣ, страхѣ, безпокойствѣ и смущеніи. Люди принуждены будучи жить въ союзѣ общественномъ и зависѣть не токмо другъ отъ друга, но и отъ всего, что ихъ окружаетъ, не могутъ быть блаженны, если

не будутъ соединены благодареніемъ и благодарностію, и счастье ихъ бываетъ всегда соразмѣрно союзу сихъ двухъ гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя наши обиды и благошворенія, рождаютъ въ насъ нужду имѣть друга для раздѣленія съ нимъ какъ счастья своего и радости такъ и самой печали. Человѣкъ рожденъ для того, что бы быть другому подвластнымъ. — Когда онъ дерзнетъ отрицать божество, то тщетно искать будетъ уже спокойствія и тишины въ нѣдрахъ уединенія. Слабое счастье, коимъ уповаетъ онъ наслаждаться, бываетъ тогда подвержено всѣмъ переменамъ бурныхъ стихій, различнымъ впечатлѣніямъ предмѣтовъ поражающихъ его взоры, и всѣмъ превращамъ суроваго естества. Онъ погружается въ уныніе и задумчивость во время мрачной и ненастной погоды; да и въ самой ясной день та же тѣньность мѣшаетъ его духъ; онъ унываетъ среди дремучаго лѣса и скучаетъ такъ же въ пріятныхъ поляхъ. Онъ чаеъ жить какъ философъ, но не имѣетъ и столько жизни, какъ на-

сажденное имъ расшѣнїе, и опасаясь быть игралищемъ людей, бываешь игралищемъ природы.

Единоначальное правленіе, какъ самое разумнѣйшее и кротчайшее, есть то, которое могло бы наиболѣе споспѣшествовать благоденствію народовъ, если шокмо оныя щасливы бытъ могутъ безъ добродѣтели. Въ республикѣ страхъ всегда предстоить глазамъ среди самыя глубокія шишины, что бы не подпастъ игу мятежника; въ самовластномъ же государствѣ страхъ казни, а въ единоначальномъ правленіи страхъ безславія занимаютъ мѣсто всѣхъ добродѣтелей. Въ семъ послѣднемъ правленіи честь есть драгоцѣннѣйшее для гражданъ сокровище, коему они и самую жизнь предпочитаютъ; да она содѣлалась и дѣйствительно самымъ нужнѣйшимъ приобрѣщеніемъ въ свѣтѣ съ того времени, какъ изгнана и забыта добродѣтель; но честь есть такъ же и шуть источникомъ безконечныхъ развратовъ.

Въ то время, когда благосостояніе государствъ зависѣло отъ единого оружія, когда всѣ чины гражданскіе составляли одни шокмо рабы, невольники и земледѣльцы, коимъ не позволено было ходить на войну по причинѣ низкаго ихъ состоянія, тогда вся честь состояла единственно въ дворянскомъ достоинствѣ. Прежде, нежели Государи возымѣли одни шокмо право набирать войско и вести войну, владѣтели почитали за честь принимать самолично, а не чрезъ другихъ присягу въ вѣрности отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, стоявшихъ предъ ними на колѣняхъ съ открытыми главами и безъ всякаго оружія. Прежде, нежели войска составлены были купно изъ знатныхъ и просныхъ, почитали знатность, за отменное достоинство. Когда народъ обременяемъ былъ поземельными налогами, нынѣ ничего почти незначущими, но въ то время достачествовавшими для военныхъ расходовъ, право къ возложенію дани было весьма почитательнымъ. Когда храбрые рыцари срашествовали по свѣшу и оп-

мщевали обиды, и когда неуспрашиваемые бойцы рѣшали справедливоспъ своея ссоры поединкомъ, тогда вмѣняемо было за подлоспъ не оправдаспъ себя смерпю своего соперника; но нынѣ по единому шокмо предразсужденію сопряжены во всѣхъ сихъ случаяхъ честп или безчестпѣ. Такимъ образомъ законы, обычаи, нравы и обряды перемѣняюща; одно шокмо принятое людьми мнѣніе и предразсужденіе закоснѣвающъ въ разумѣ человѣческомъ, не смотря на уничтоженіе причинъ оныя произведшихъ.

Всѣ сіи оспашки древняго правленія ни къ чему болѣе не служатъ, кромѣ шокмо къ воспоминовенію ко спыду человѣческаго шѣхъ варварскихъ временъ, когда сила соспавляла весь законъ, ошъ коего и нынѣшніе всѣ произпекающъ. — Римляне упомиавшісь посяташъ на жизнь другъ друга за дубовой желудокъ, за дерево, за оленя, за пшпцу, словомъ, за всякую бездѣлицу, соединились въ общество и такимъ образомъ умножили свои силы. Они безъ шруда уже тогда поражали разсѣянныя народныя толпы

и содѣлались власпелинами и полными
 обладашелями весьма обширныя спраны.
 Они избрали себѣ мѣсто, обнесли оное
 оградою и раздѣлили поровну между со-
 бою земли, подававшія имѣ не однократ-
 но поводъ къ междоусобіямъ. Они при-
 гласили сосѣдей своихъ съ женами на
 пиршество, по окончаніи коего выгнали
 мужей, а женъ ихъ удержали. Они ум-
 ножились, возвысились, завоевали мно-
 гія мѣста и покорили побѣдителей Азіи,
 Грековъ, и скоро разпроспранили власшь
 свою надъ цѣлымъ почти свѣтомъ. По-
 томъ не имѣя болѣе кого побѣждать,
 позабыли пользу Республики ради своей
 собственнѣйшей, и личныя ихъ выгоды пред-
 почтенныя общественнымъ, изтребивъ
 изъ мыслей ихъ честь, возбудили свѣр-
 ныхъ обидѣтелей не менѣе ихъ о поль-
 зѣ своей пекущихся, но гораздо силь-
 нѣйшихъ и мужественнѣйшихъ, устре-
 мишься на разрушеніе ихъ государства,
 на развалинахъ коего воздвигнули они
 многія другія. Побѣдители сіи раздѣлили
 между собою завоеванныя у нихъ земли
 совсемъ инымъ образомъ. Тамъ и доселѣ

еще одинъ токмо Государь собственно владѣлъ землями, а подданные временно оными пользуются. Въ Европѣ же мало по малу отступила верховная власнъ отъ своихъ правъ, позволивъ сперва дѣшамъ наследовать опцовскими землями, по томъ прощимъ свойственникамъ, а на конецъ предоставила свободу и постороннимъ покупать у владѣльцовъ родовыя земли; но Государи не иначе опrekliсь отъ сихъ правъ, какъ съ тѣмъ, что бы новые помѣщики до вступленія во владѣніе покупаемыхъ ими земель, предварительно въ главномъ правительствѣ позволенія на то просили. Скоро послѣ того даровали вольность земледѣльцамъ и невольникамъ, то есть, что они пресли бытъ рабами подданныхъ своего государя, но всегда пребывали рабами государства до самого того времени, пока наконецъ трудолюбіемъ, дарованіями и торговлею своею достигли до того, что по очереди стали господами господъ своихъ. — Вотъ начало, происхожденіе и сила всѣхъ законовъ человѣческихъ.

Если заблужденіе произвело всѣ сѣи законы, то оное есть такъ же по большой части причиною ихъ продолженія, премѣненія, оказываемаго къ нимъ уваженія и негодованія. У Кишайцовъ на примѣръ, коимъ не извѣстна самая главная добродѣтель, то есть, справедливость, и у коихъ правосудіе держишь въ рукѣ шрое вѣсовъ, двое для того, что бы обманывать, а шрешія, дабы не быть обманути, по необходимости надлежало поощрять людей къ добродѣтели надеждою награжденія, которое само собою разрушаетъ уже всякую добродѣтель. Во всѣ времена гражданскіе законы касающіися до браковъ, наслѣдствъ, завѣщаній и проч. перемѣнялись. У Грековъ законы Аѣинскіе не были сходны съ законами Лакедемонскими, по тому что законы не суть государственныя, но законы опцовъ нашихъ; и мы оныя по произволенію можемъ такъ же перемѣнять въ пользу дѣшей и потомковъ нашихъ. Чудишься же, что законы не вездѣ одинаковы, есть то же самое, что и удивляешься, для чего не всѣ государ-

схва имѣютъ одинакій образъ правленія.

Но гдѣ примѣшна столь великая противоположность разума человѣческаго, какъ во удивительной перемѣнѣ нравовъ человѣческихъ въ каждомъ вѣкѣ? Послѣдній предъ симъ вѣкѣ былъ вѣкъ великихъ дѣяній, великихъ спрасей, великихъ слабостей и пр. нынѣшній же на прошиву того есть вѣкъ маленькихъ слабостей, маленькія любви, маленькія дружбы, маленькаго презрѣнія, маленькихъ вещицъ и пр. будучи преклоненъ къ изрядному, пріятному и нѣжному, но не къ хорошему и любитъ вкусъ, а не разсудокъ. „Ацемъ не инако ошвѣщствовалъ и на сію долгую рѣчь, какъ и на другія, то есть, съ восклицаніемъ говоря, что это за свѣтъ, когда здравой разсудокъ, добродѣшель, истинна и блаженство столь во ономъ рѣдки? Но томъ услышалъ онъ въ другомъ мѣстѣ разговоръ еще страннѣе. Два комедіанта бывшіе купно философы, стихотворцы и музыканты, спорили одинъ противъ другаго о томъ, сколь опасно для нравовъ ходить въ театръ во вре-

мя представленія шутъ и гришъ. Ахъ! нѣтъ государь мой, говорилъ одинъ изъ нихъ, мы не виновны, успокой мѣстующую свою совѣсть; правда, мы представляемъ иногда людей гораздо хужеими, нежели они въ самомъ дѣлѣ, однако никто никогда и не помышлялъ насъ за то обвинять. Скажи пожалуй, какое зло видѣшь трагедію, коея цѣль есть та, что бы возбудить въ сердцахъ ужасъ ко преступленіямъ, любовь къ добродѣтели, жалость къ ироямъ, влекомымъ собственными своими слабостями въ несчастіе, и на конецъ, что бы подкрѣплять въ сердцахъ чувствованіе повседневно нынѣ отъ обращенія нашего угасающее, то есть, чувствованіе челоуколюбія? Какое зло видѣшь комедію, коея цѣль есть представлять не достойныя и смѣшныя дѣйствія самолюбія, дабы исправить насъ самолюбіемъ гораздо разумнѣйшимъ и смрахомъ посмѣянія? Предосудительнo ли ходишь на зрѣлище, коего цѣль состоить въ показаніи намъ должностей общественныхъ? Инако опасно

бы было являться и въ свѣтѣ, коего
 обращеніе можешь быть такъ же вред-
 но. Если вредны зрѣлища или для того,
 что тамъ видны прелестныя красави-
 цы и что нѣжныя и пріятныя ихъ тан-
 цы воспаменяють сердца къ любо-
 спраснїю, или для того, что тамъ
 живо изображаются умоначертаніе и
 страсти, или на конецъ для того, что
 наилучшія театральныя представленія
 научая добродѣтели, ославляютъ въ
 сердцахъ начертаніе порока; то вредно
 такъ же ходить на гульбища, быть въ
 собраніяхъ и читать исторїи. Если
 опасно взираешь на изображеніе нравовъ,
 то несравненно опаснѣе смотрѣть на
 самые нравы споль развращенные; и
 если вообще вредно жить въ свѣтѣ, то
 непременно должно удалиться въ глу-
 хія и необитаемыя мѣста. Конечно
 такъ, опѣвшествовалъ другой; но сего
 еще недовольно: люди были бы блажен-
 нѣе, если бы не токмо не жили въ со-
 обществѣ, но и совсемъ бы не говорили;
 ибо нѣкопорый знаменимый и весьма
 извѣстный сочинитель утверждаетъ,

что всё бѣдствія вступили въ свѣтъ
 купно съ словомъ. Что же, говорилъ
 другой, развѣ они блаженнѣе бы были,
 если бы шокмо пѣли, а ошнюдъ ничего
 не говорили, поелику они подобно всѣмъ
 прошчимъ живошнымъ, изъясняющъ чув-
 ства свои ошъ самаго рожденія радо-
 стнымъ или печальнымъ восклицаніемъ.
 Ошибаешься, любезный другъ, ошвѣш-
 ствовалъ первый, они шакъ же не дол-
 жны пѣшь, какъ и говорить; ибо пѣ-
 ніе ешъ искусство, а всякое искусство
 развращаетъ нравы и вредишъ щасшю.
 По томъ подступя къ нимъ одинъ изъ
 слышателей, сказалъ обоимъ имъ: какъ
 государи мои! вы осмѣливаетесь пори-
 цать самой прекрасной, самой рѣдкой
 и самой драгоцѣннѣйшій даръ, коимъ
 шокмо природа людей наградила, ша-
 кой даръ, которой ихъ соединилъ и до-
 ставилъ имъ шолико чрезъ шо выгодъ
 и пріятностей, коими они могли бы
 всегда наслаждаться, если бы шокмо
 оныхъ во зло не употребляли. Ацемъ,
 выслушавъ всё словопрѣнія съ край-
 нимъ удивленіемъ, началъ искашь фи-

лософа, который до тѣхъ поръ въ свѣтѣ ему руководствовалъ, и нашедъ привелъ его въ то мѣсто, гдѣ слышалъ онъ разговоры о столь различныхъ предмѣтахъ; но философъ заспорившись туть съ великимъ жаромъ, со всемъ зямѣшался въ собраніи. *Ацель* тщетно его вездѣ искалъ и вышелъ потомъ одинъ, не зная, куда ийти. Ночью, когда онъ шатался нѣсколько часовъ, попалъ на него разбойникъ, который приспавя къ груди его пистолетъ, требовалъ кошелька, и въ случаѣ противоборства хотѣлъ его убишь. Ахъ! жестокой, въ чемъ я пресступилъ предъ тобою, вскричалъ *Ацель*, что я у тебя похишилъ, что хочешь лишишь меня жизни? Ты пребуешь кошелька, коего у меня вовсе нѣтъ, да я и не знаю, что оной значить, а если бы и былъ, то по какому праву смѣешь ты у меня онаго требовать? Ты жестокосердѣйшій всѣхъ людей на свѣтѣ. Нѣтъ, ошвѣщствовалъ ему разбойникъ, я съ жалостію у тебя онаго спрашиваю, необходимость меня къ тому понуждаетъ;

я рожденъ ошѣ такихъ родителей, которые никогда ни на одну ступень земли у себя не имѣли: они выучили меня ремеслу, что бы я могъ пропитать жизнь свою; но обстоятельство времени сдѣлало оное для меня безпольнымъ и меня самая крайность принудила приняться за разбойничество. Правда, я могъ бы вступить въ службу своего Государя, который имѣешь нужду въ людяхъ; но у меня есть жена и дѣти, коихъ никакъ не могу оставить. Если такъ? сказалъ *Ацемъ*, то я о тебѣ весьма сожалею; однако ни чѣмъ пособить не въ силахъ, будучи несравненно тебя несчастливѣе. Ты видишь, что я приспанища не имѣю и . . . Но разбойникъ прежде окончанія его разговора, услышавъ вдали попошѣ лошадиной, устремился бѣжать изъ вся силы. *Ацемъ* шагался до самаго свѣша; на разсвѣтѣ же примѣшивъ, что онъ вышелъ уже за городъ, и увидя въ полѣ нѣсколько бѣгущихъ зайцовъ, схватилъ камень, за неимѣніемъ при себѣ ни лука, ни ружья, ни собакъ, и лишь только

хотѣлъ онымъ на нихъ бросишь, какъ вдругъ подбѣжалъ къ нему человекъ и грозно спалъ ему говоришь: что ты дѣлаешь? развѣ хочешь, что бы тебя посадили въ тюрьму? Ты конечно не знаешь, что въ нашей землѣ не только тебѣ не позволено убивать живошныхъ, коихъ природа произвела для всѣхъ людей, но и самъ господинъ не можетъ ходишь на звѣриную ловлю въ своихъ помѣстьяхъ, если оныя не опдалены на двадцать или тридцать верстъ отъ Государевыхъ земель. Для чего же ты насмѣхаешься, опвѣстшвовалъ ему *Ацемъ*, самому разумнѣйшему изъ всѣхъ вашихъ законовъ и первому, какъ слышу, копорой изданъ на земли для воздержанія людей отъ убіенія другъ друга? Я не знаю, говорилъ шотъ ему, разумной ли сей законъ или нѣтъ, но знаю, что если бы онаго не было, то можетъ быть я не захотѣлъ бы посягнуть въ сію ночь на твою жизнь; узналъ ли ты меня? Однако пойдемъ со мною, я тебѣ покажу источникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ-швей. Чрезъ нѣсколько часовъ пришли

они въ городѣ и *Ацемъ* увидѣвъ на одномъ дворѣ множество людей разхаживающихъ и держащихъ въ рукахъ бумаги, захопѣлъ о томъ полюбопытствовашь. Тамъ лежало въ одномъ углу множество разныхъ вещей, а въ другомъ стоялъ человекъ, который облокотясь на столъ и повѣсивъ внизъ голову, казался погруженъ въ великую задумчивость. *Ацемъ* подступилъ къ нему и желая знать причину его печали, спросилъ его, что то за мѣсто, въ которомъ онъ столько печалился, а другіе на прошиву того столько радость на лицахъ своихъ являющъ? Самая сія радость, ошвѣщствовала ему тошъ, есть причиною слезъ моихъ; меня понуждающъ бхашъ въ армію, но какъ я не имѣю денегъ, то пришелъ сюда продать за безцѣнокъ остатокъ имѣнія полученнаго мною въ наслѣдство отъ предковъ моихъ; мѣсто, которое вы здѣсь видите, и которое кажется ново глазамъ вашимъ, называется *Биржою*: сюда съ того времени, какъ люди согласились не показывать безъ денегъ

другъ другу услугъ челоуѣчества, приходящѣ разные шоргачи, возвышающѣ шасшіе свое на разореніи другихъ и низвергающѣ народъ въ ужасныя бѣдствія. Не въ однихъ шокмо воинскихъ спанахъ бѣдностъ не разлучна съ богашствомъ и не на однихъ шокмо сраженіяхъ замѣшательство, безпорядокъ и смяшеніе въ спрояхъ бывающѣ; сіе самое и въ городахъ происходитъ. Напрасно, сказалъ ему вопреки тамъ другой, вопіющѣ ты прошиву шасшія въ самомъ его храмѣ, тебѣ здѣсь никто слушающѣ не спанещѣ, да и дѣльно: шасшіе своенравно и слѣдовающѣ его своенравію не что иное естѣ, какъ дѣйшвовашѣ по порядку вещей, а инако поступашѣ, значущѣ не бышѣ разумнымъ; люди произведены для того, что бы подобно *Александру* умирали, держа въ рукахъ и мечъ и чашу. Ахъ! Боже мой, вскричалъ *Ацемъ*, какой эшо народъ, который не спрашившѣ бышѣ собственнымъ виновникомъ бѣдствій влекущихъ его къ паденію? „Ошшуда пошли они на гульбище. Тамъ спросилъ *Ацемъ*, что шощѣ за

человѣкъ, который едва ходить можешь, а въ прочемъ совсемъ кажется здоровъ? Онъ изъ числа тѣхъ самыхъ людей, отвѣтствовалъ ему его спутникъ, которыхъ ты лишь только теперь видѣлъ, и коихъ весь промыслъ состоишь въ томъ, что они день и ночь упражняются въ изчисленіи сокровищъ государственныхъ, дабы узнать, во сколько времени къ себѣ перевести могутъ. А другой блѣдной и разсѣпанной, спросилъ *Ацемъ*, въ длинномъ кафтанѣ и который столь громко говоришь? Это спрячѣй, отвѣтствовалъ онъ ему, коего искусство состоишь въ изслѣдованіи, въ какомъ видѣ предскажишь дѣло правительству и какъ бы показать черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ. Далѣе стоишь судья, который для соблюденія точной середины между сими двумя крайностями, судишь дѣло такъ, что бы оное казалось половину чернымъ и половину бѣлымъ. Тотъ же, у коего гордая осанка, голова высоко поднята и весьма важная походка, есть военной человѣкъ, который

долженъ биться и сердиться въ то время, когда ему шокмо скажутъ, что сего чести его пребудетъ, не имѣя никакой болѣе къ тому причины. А изъ шѣхъ двухъ, которые похожи на женщинъ препоясанныхъ шпагами, одинъ комедіантъ, а другой пѣвецъ, коихъ обоихъ дарованія соспоютъ въ томъ, что они могутъ смѣяться и плакать въ назначенное время. Всѣ прочіе, которыхъ ны здѣсь видишь, ни комедіанты, ни пѣвцы, но они не меньше ихъ упражняющіяся въ изъявленіи такихъ чувствъ, которыхъ они не имѣютъ, и такимъ образомъ обманываютъ другъ друга. Изъ всѣхъ сихъ людей, нѣтъ ни единого человека, который бы не воображалъ себѣ, что онъ имѣетъ справедливостъ предпочиташъ или по крайней мѣрѣ сравнивашъ свое соспояніе со всѣми прочими, и который при всемъ томъ будучи недоволенъ своимъ жребіемъ, не желалъ бы лучшаго и не завидовалъ другимъ. Ахъ! какія прошивности, сказалъ *Ацель!*

Между красавицами бывшими украшеніемъ сего гульбища находилась одна,

которая привлекла на себя взоры *Ацема* и всѣ чувства его обольстила. Прекрасная Европейка, говорилъ онъ подошедъ къ ней прерывающимся голосомъ и имѣя воспламененныя глаза, сердце мое тебя обожаетъ, и сколь счастливымъ бы я себя почелъ, если бы дни свои могъ препровождать съ тобою, и если бы могъ безпрестанно имѣть тебя въ своихъ объятіяхъ и съ тобою разговаривать . . . Больше не могъ онъ говорить; всѣ начали смѣяться; мать же сея прелестныя Европейки, которая не смѣясь сидѣла позади ее, съ торопливостію ему говорила, тише, тише, государь мой, она дочь моя: я вѣрю, что чувства ваши непорочны и законны, но мнѣ кажется, что вы молоды и ничего еще не значитъ въ свѣтѣ; и такъ вамъ бы надлежало думать прежде о томъ, что бы приобрести себѣ какое нибудь достоинство въ обществѣ, нежели о моей дочери. Достоинство, вскричалъ *Ацемъ*! ваша любезная дочь безъ сомнѣнія достойна престола; но гдѣ можно найти и завоевать такое достоинство. Одна-

ко же, если вамъ сего непременно хочется, то я пойду къ своимъ товарищамъ, соберу ихъ и предводительствуя ими, прійду свергнуть съ престола вашего Государя, если то нужно, по тому что съ такимъ токмо условіемъ . . . Я не требую, сказала она ему, прервавъ его рѣчь, что бы вы свергнули съ престола нашего Государя; довольно того, чтобы вы заснули мѣсто какого нибудь изъ его подданныхъ и имѣли бы нѣсколько земли въ его областяхъ, что бы могли сказать, моя земля, мой домъ и пр. но какъ при томъ всѣ уже земли заняты, и всѣ принадлежатъ одной половинѣ людей, а другая владѣтъ оными ожидаетъ своей очереди; то пока мѣсть не прійдетъ ваша очередь, я вамъ запрещаю изъясняться въ любви предъ дочерью моею, по тому что вамъ можетъ быть не скоро владѣть достанется, а можетъ быть и никогда, не смотря на всѣ ваши достоинства; можетъ еще спастись и то, что мѣсто, которымъ вы со временемъ владѣть будете, не будетъ стоить того, что бы я ошдала

за васъ дочь свою; по чему вамъ надлежитъ скрыватьъ ощущаемую вами къ ней любовь; въ прошивномъ случаѣ вы ее никогда не увидите: законы сїи столь древны, какъ и самой свѣшѣ, и вы напрасно сему удивляетесь. Изъ какой вы земли, что сїе для васъ столь удивительно кажется? У насъ есть такъ же и другой законъ не меньше древенъ, который намъ говоритъ, что наши сокровища и наше имѣніе не однимъ намъ принадлежатъ, но всѣ люди равное право на оныя имѣютъ, и что мы должны съ ними дѣлиться, хотя бы они и не благодарны были. Я почишаю оной чрезмѣрно, однако же и до сего времени не могла еще рѣшиться слѣдовать оному и я не одна такъ поступаю. „Ахъ! Боже мой! вскричалъ *Ацемъ*, что слышу я? Ахъ чудовища! жестокіе, безчеловѣчные! итъ, не хочу болѣе у васъ оспаиваться: непостоянство ваше приводитъ меня въ ужасъ; я менѣ буду подверженъ бѣдствіямъ, скитаясь по самымъ дремучимъ лѣсамъ; тамъ могу я слѣдовать по своей волѣ движеніямъ естества и тамъ

и львы и шигры не столь свирѣпы...
 Но нѣтъ, можешь быть есть другая
 страна, гдѣ люди лучше, справедливыѣ,
 человеколюбивыѣ, великодушныѣ и чув-
 ствительныѣ поступаютъ: пойду, спа-
 ну оныя искашь и на вѣки отсюда уда-
 люсь.

РАЗГОВОРЪ

Дикаго съ Бакалавромъ,

изъ .

сочиненій Г. Вольшера.

Бак. Г. Дикій, ты видѣлъ безъ сомнѣнія многихъ изъ своихъ товарищей, ведущихъ совсемъ уединенную жизнь, о которой у насъ говорятъ, что она есть настоящая жизнь человѣка, а не общественная наша столь испорченная и не соотвѣтствующая состоянію человѣка.

Дик. Напрасно. Я никогда такихъ людей не видывалъ, и мнѣ кажется, что человѣкъ сотворенъ для общества, какъ и многіе другіе роды животныхъ. Каждой родъ слѣдуетъ врожденной своей склонности, и мы живемъ у себя обществомъ.

Бак. Обществомъ? Такъ у васъ есть по тому прекрасные стѣнами обнесенные города, Короли живущіе въ велико-

лѣпныхъ чертогахъ, театры, монастыри, училища и питейные дома?

Дик. Нѣтъ, но я слыхалъ, что и на вашей части свѣта есть такіе люди, какъ то Арапы и Тапары, кои ничего изъ вышепомянутого не имѣютъ, но при всемъ томъ составляютъ знашныя народы. Мы живемъ такъ какъ они. Сосѣдственные сѣмейства подаютъ взаимную себѣ помощь. Мы обитаемъ въ жаркой странѣ, въ которой не много нуждъ имѣемъ, пищу достаемъ себѣ легкимъ образомъ, женимся, приживаемъ дѣшей, воспитываемъ ихъ и умираемъ. Все же сіе не инако и у васъ, исключая нѣкошорые шокмо обряды.

Бак. Такъ видно другъ мой, ты не дикій?

Дик. Я не знаю, что ты разумѣешь подъ симъ именемъ.

Бак. Да я и самъ право не знаю; надобно мнѣ напередъ о томъ подумать. Мы называемъ дикимъ человѣка угрюмаго, который удаляется отъ людей.

Дик. А я уже сказывалъ, что мы живемъ вмѣстѣ сѣмьями.

Бак. Мы называемъ еще дикими звѣрей, кои не укрощены и бѣгающъ по лѣсамъ, по чему и называющся у насъ дикими и люди, которые живутъ по лѣсамъ.

Дик. Мы ходимъ въ лѣса такъ какъ и вы, когда ходите на охоту.

Бак. Думаешь ли ты когданибудь?

Дик. Не лѣзя иногда чегонибудь не думаю.

Бак. Я очень бы желалъ знать твои мысли. Что ты думаешь о человѣкѣ?

Дик. Я думаю, что онъ есть животное о двухъ ногахъ, которое имѣетъ способность разсуждать, говорить и смѣяться, и которое можетъ употреблять руки свои гораздо лучше, нежели обезьяна. Я видѣлъ разные роды сихъ животныхъ, видѣлъ бѣлыхъ такихъ какъ ты, рыжихъ, какъ я, и черныхъ такихъ, какъ у господина Каэнскаго Губернатора. У васъ борода, а у насъ оной нѣтъ: у Араповъ шерсть, а у насъ съ вами волосы. Говоряшъ, что у васъ на Сѣверѣ люди бѣловолосые, у насъ же въ Америкѣ всѣ черноволосы. Больше я о человѣкѣ ничего не знаю.

Бак. Но о душѣ другъ мой, о душѣ какія ты имѣешь понятія? Откуда она водворилась въ тебя, и что есть такое? что она дѣлаетъ? какимъ образомъ дѣйствуетъ? и куда дѣвается?

Дик. Ничего не знаю. Я никогда души не видывалъ.

Бак. Постой. Думаешь ли ты, что скопы шокмо машины?

Дик. Оные кажутся мнѣ бышь машинами, имѣющими чувства и память.

Бак. А ты господинъ дикій, какое думаешь имѣть преимущество предъ скопами?

Дик. Несравненно лучшую память, гораздо болѣе понятій и сверхъ того языкъ производящій безпримѣрно болѣе голосовъ нежели языкъ у скоповъ, да еще проворнѣйшія гораздо руки и способность при томъ смѣяться великимъ умствователямъ.

Бак. Но скажи пожалуй, какимъ образомъ ты всѣми сими способностями обладаешь? какого свойства твой разумъ? какимъ образомъ оживотворяешь душа твоя тѣло? всегда ли ты дума-

ещѣ? и свободна ли твоя воля?

Дик. Довольно вопросовъ! ты у меня спрашиваешь, какимъ образомъ обладаю я тѣмъ, что Богъ даровалъ челсвѣку: вопросъ сей шочно шаковъ, какъ бы ты у меня спросилъ, какимъ образомъ я родился? Поелику я человекъ, то не должно ли мнѣ имѣть всего того, что составляетъ человека, подобно какъ дерево имѣетъ кору, корни и листья? Ты хочешь, что бы я зналъ, какого свойства мой разумъ, но какъ я не самъ себѣ оной далъ, то сего и не знаю, а еще менѣе, какимъ образомъ душа моя оживляетъ тѣло. Я думаю, что прежде видѣть надобно главную пружину твоихъ часовъ, а потомъ уже судить, какимъ образомъ показываютъ онѣ время. Ты у меня спрашиваешь, всегда ли я думаю? Нѣтъ не всегда; иногда имѣю я только темныя мысли, когда вижу напримѣръ предмѣтъ вдали; иногда имѣю мысли ясныя, когда вижу предмѣтъ близко и явственно; иногда же не имѣю совсемъ никакихъ мыслей, а особливо когда зажмурю глаза и ни-

чего не вижу. Еще спрашиваешь у меня, свободна ли моя воля? Но я тебя не разумью: прошу мнѣ изъяснишь: ты безъ сомнѣнія имѣешь о шаковыхъ вещахъ совершенное свѣденіе.

Бак. И конечно: я учился всему тому и могъ бы тебѣ о томъ говорить сряду цѣлой мѣсяцъ, но ты, ничего не поймешь. Скажи пожалуй, знаешь ли ты, что добро и худо, что право и не право? какое правленіе есть самое лучшее? какое изъ Богопочишаній? какое изъ правъ народныхъ, общественныхъ, гражданскихъ и церьковныхъ? кто былъ именемъ первый мужъ и первая жена, кои населили Америку? и знаешь ли ты, для чего на морѣ бываетъ дождь, и для чего у тебя нѣтъ бороды?

Дик. Ты конечно съ намѣреніемъ злоупотребляешь признаніе мое, что у меня болѣе памяти нежели у скошовъ. Я едва могу упомнить всѣ твои вопросы. Ты говоришь о злѣ и добрѣ, о правѣ и не правѣ. Мнѣ кажется, все то, что приносишь намъ удовольствіе и не дѣлаешь при томъ никому обиды, есть

добро и справедливо; то же, что наноситъ другимъ людямъ обиду и сопряжено только со вредомъ или досадою ихъ, весьма для насъ самихъ опасно и несправедливо.

Бак. И съ такими правилами живете вы въ обществѣ?

Дик. Да, живемъ съ нашими родственниками и сосѣдами безъ дальнихъ безпокойствъ и неудовольствій лишь по сну и болѣе, послѣ чего шло наше утучняеиъ ту самую землю, ошъ коея прежде оное шучнѣло.

Бак. Голова кажется у тебя хороша, и мнѣ хочется ее вскружить: опобѣдаемъ вмѣстѣ, а послѣ спанемъ философствовашъ порядочно.

Разговоръ второй.

Дик. Я наѣлся шакого кушанья, которое кажется не по мнѣ, хотя въ прочемъ желудокъ у меня и весьма хорошъ. Ты заставлялъ меня ѣсть и пишь, когда уже мнѣ и не хотѣлось. Ноги мои теперь не столь крѣпки, какъ были до обѣда; голова спала тяжелѣе и мысли

помрачились. Такого ослабленія я не чувствовалъ никогда еще у себя дома. Здѣсь, чемъ полнѣе желудокъ накладываетъ, тѣмъ болѣе кажется тебя убываетъ. Скажи пожалуй, что сему причиною?

Бак. Изволь. Во первыхъ, что касается до ослабленія твоихъ ногъ, то я ничего не знаю, а вѣдаютъ причину тому врачи, о чемъ можешь ты у нихъ спросить. Въ разсужденіи же того, что происходитъ въ твоей головѣ, то мнѣ очень извѣстно. Слушай: душа не имѣя никакого мѣста находишься въ шакъ называемой кетельной желѣзѣ посреди головы. Подымающіяся изъ желудка тонкія пары восходятъ къ душѣ, коей однако не могутъ касаться, поелику оныя вещественны, а душа не вещественна. И какъ не могутъ другъ на друга дѣйствовать, то душа принимаетъ ихъ впечатлѣніе; но поелику она существо простое, и слѣдовательно не можешь имѣть никакой перемѣны, то она перемѣняется и дѣлается тяжелою, когда кто наѣлся много; и отъ сего по

происходитъ, что многіе великіе люди сцѣпѣ послѣ обѣда.

Дик. Слова твои кажутся мнѣ остроумными и глубокомысленными; но сдѣлай милость, разтолкуй мнѣ оныя шакъ, что бы я понялъ.

Бак. Я тебѣ все сказалъ, что можно сказать о семъ важномъ предметѣ; однако же во угожденіе тебѣ еще подробнѣе изъяснюсь. Пойдемъ поспешенно: знаешь ли ты, что сей свѣтъ есть изъ всѣхъ возможныхъ наилучшій?

Дик. Какъ! не уже ли безконечному и всемогущему существу не возможно сдѣлать чего нибудь лучшаго нами видимого?

Бак. Конечно нѣтъ и видимое нами есть самое наилучшее. Правда, что люди другъ друга грабятъ и умерщвляютъ; однако они хвалятъ всегда при томъ кропость и правду. Нѣкогда побито миліоновъ съ двѣнадцать вашей брашны Американцовъ, но то было для того, что бы сдѣлать прочихъ поумнѣе. Нѣкошорый машемашикъ доказалъ, что со времени Троянской войны, кошорой ты

не знаешь, даже до извѣстной тебѣ Акадской, побито на порядочныхъ сраженіяхъ по крайней мѣрѣ пять сотъ пятьдесятъ пять миліоновъ, шесть сотъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, не считая дѣшей и женъ избытыхъ по разореннымъ городамъ; однако все то было для общія пользы. Четыреста или пять сотъ жестокихъ болѣзней заставляють считать здоровье, а пороки и пресупленія наполняющія землю возвышають достоинство крошкихъ людей, въ числѣ коихъ считаю и я себя. Ты видишь, что все происходитъ въ свѣтѣ наилучшимъ образомъ по крайней мѣрѣ для меня. — Такого совершенства на свѣтѣ конечно бы не было, если бы душа не имѣла пребыванія своего въ кегельной желѣзѣ; ибо... Но пойдемъ порядкомъ и неспѣшно: какое понятіе имѣешь ты о законахъ, о правдѣ и неправдѣ, о хорошемъ и о Токалонѣ, какъ говоритъ Платонъ?

Дик. Но, государь мой, ты намѣрившись говорить порядкомъ и неспѣшно, говоришь мнѣ вдругъ о тысячи вещахъ.

Бак. Въ разговорахъ инако не бываеашъ. — Скажи мнѣ, кто сочинялъ у васъ законы?

Дик. Общая польза.

Бак. Слово сѣе значитъ не мало; мы сами сильнѣйшаго выраженія не знаемъ: но какъ ты оное разумѣешь?

Дик. Я разумѣю, что тѣ, кои имѣли у себя кокусовы деревья, запретили другимъ прикасаться къ онымъ, и что тѣ, кои оныхъ у себя не имѣли, принуждены были работашъ, дабы имѣть право ѣсть ошъ нихъ. Все, что я ни видѣлъ въ своей и въ вашей землѣ, показываешъ мнѣ, что нѣтъ инаго разума законовъ.

Бак. Но женщины господинъ дикій, что женщины?

Дик. Ну, что женщины! онѣ мнѣ очень нравятся, когда пригожи и скромны. Онѣ гораздо лучше нашихъ кокусовыхъ плодовъ, до коихъ мы не велимъ другимъ допрогиваться: взявъ у меня жену, столь же мало другой имѣетъ права, какъ и взявъ у меня сына. Говорятъ, что есть народы, кои за то не

сердяшся; они въ томъ вольны: всякъ можеть дѣлать съ добромъ своимъ что хочеть.

Бак. Но наслѣдства и раздѣлы по прямой и побочной линіи?

Дик. Конечно надобно бытъ наслѣдствамъ; когда я не могу болѣе уже владѣть своимъ полемъ, то оставляю оное своему сыну; если у меня ихъ двое, то они его поравну между собою раздѣляютъ. Я слышалъ, что у васъ и во многихъ другихъ еще мѣстахъ доспается по законамъ все имѣніе старшему сыну, а младшимъ ничего; таковыя законы писаны конечно корысполубіемъ и введены въ обычай старшими дѣтьми.

Бак. Какіе по мнѣнію твоему наилучшіе законы?

Дик. Тѣ, въ коихъ наиболѣе уважается общая польза намъ подобныхъ.

Бак. Гдѣ такіе законы?

Дик. Сколько я слыхалъ, нигдѣ.

Бак. Но скажи мнѣ, откуда взялись у васъ люди, и кто населилъ вашу Америку?

Дик. Мы думаемъ, что Богъ.

Бак. Это не ошвѣшъ. Я спрашиваю, изъ кошорой земли вышли первые ваши жишели.

Дик. Изъ шой, изъ кошорой и наши деревья. Вы господа Европейскіе обитатели кажется очень забавны, что думаете, будпо бы мы ничего не могли имѣшъ безъ васъ. Мы сполько же имѣемъ права думать, что мы ваши опцы, какъ вы воображаете себѣ быть нашими.

Бак. Вашъ Дикій довольно упрямый!

Дик. Вашъ Бакалавръ довольно шушливый!

Бак. Г. дикій, еще одно словцо, думаютъ ли у васъ, что надобно умерщвляшъ людей, кошорые не одного съ вами мнѣнія?

Дик. Думаютъ, но съ тѣмъ, что бы ихъ ѣсть.

Бак. А о еложеніи человѣка, что думаютъ?

Дик. Прощай! добро.